

18+

Анатолий Давыдчик

**Бешеный
сапер 1,2**

Анатолий Давыдчик

Бешеный сапер 1,2

«Издательские решения»

Давыдчик А.

Бешеный сапер 1,2 / А. Давыдчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560998-4

Книга из двух частей: о жизни и войне сапёров 166-й бригады в первую Чеченскую войну. Без прикрас, всё, как было..Вечная память тем, кто не вернулся... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-560998-4

© Давыдчик А.
© Издательские решения

Содержание

Бешеный сапер	6
Глава 1	6
Глава 2,3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	42
Глава 16	45
Глава 17	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Бешеный сапер 1,2

Анатолий Давыдчик

© Анатолий Давыдчик, 2022

ISBN 978-5-0056-0998-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бешеный сапер

Глава 1

«Ни хрена себе жара!», – первая мысль, которая появилась у меня после того, как прошли торги, и я очутился в расположении инженерно-саперной роты. Блюющий у входа в палатку солдатик, в майке и трусах, это ничего, но наличие непонятной техники впечатлило. Ушло все: и Тверь, и нижний Новгород, и перелет в скотовозе до Ханкалы, и перегон на «УРАЛах» до Старых Атагов. Теперь все новое и непонятное, особенно для бывшего стройбатовца, имеющего отсрочку приговора от любимого трибунала.

Я – Лис. Это – мое прозвище. Можно сказать – «кликуха». Получил я её не потому, что такой же умный, хитрый и осторожный, как рыжий хищник наших заповедных лесов, а просто от созвучия со своей фамилией. Какой? Не важно. И так отвлекся. Продолжаю....

Новые афганки диковато смотрелись на фоне пыльных палаток и обмундирования остальных бойцов. Никакого любопытства, всем пофигу. Причина простая – с нами приехали заменщики, меняли ротного – Клейменова и ждали нового НИСа – начальника инженерной службы бригады.

Жара, июнь, похмелье и ничего не хочется, кроме воды.

– Ну, что, смертнички, с приехавшим! – голос сбоку. Оборачиваюсь – стоит прапор, лыбится, как родным. – Механы есть?

– Стройбат есть, – отвечаю я.

– Сапером будешь, – по ходу прапорюга издевается. – ладно, сейчас в палатку, вон в ту, жрать в семь, сегодня не до вас, завтра посмотрим.

В палатке жара. По примеру остальных задираем полог и бока палатки, чтобы хоть слегка продувало. Бросаем вещмешки, осваиваемся. В принципе, жить можно. Сигареты есть, но курево не лезет. Ближе к вечеру построение у кунга – жилого кузова на машине, в котором два спальных места, стол и печка. Записали ротного, распределили по отделениям и взводам. Я оказался в управлении роты, на должности лаборанта водофильтровальной станции и до кучи телефонист, а еще – санинструктор, что впоследствии напрягало и сильно.

Первая ночь прошла как в сказке – пение цикад, прохлада и возможность поспать. Утром бойцы поставили столы, навалили кучу непонятной хрени, и командир роты Клейменов стал очень быстро объяснять, что есть что. Прошло минут сорок...

– Все поняли? Ну ничего, жить хотите – научитесь, а теперь получаем весла и на стрельбище.

Стрельбище так стрельбище. Едем, причем не на броне, а внутри БТРа. Приехали, народу тьма, так как нас, в 166 бригаду, привезли человек триста, если не больше, то все подразделения отправили новеньких на обкатку.

В общем, стреляй – не хочу, на выходе четыре магазина, цель раздолбаные ящики. После бросаем РГД-5 – ручная гранта для ближнего боя. И мы – уже почти рейнджеры. Первый подрыв тротиловой пашки, руки подрагивают, но приемлемо.

Итак, расположение роты – пять небольших палаток в ряд, затем, под углом две большие, одна для первого взвода, а вторая столовая. За пищей ходим с бачками в танковый батальон, ходят срочники, вечные дневальные, потом врытый кунг ротного, а чуть поодаль – кунг НИСа – подполковника Степанова, уже представленного к Герою вместе с Баталовым и Касьяновым.

Первый выезд был веселый и ознакомительный в плане осмотра местности, но смысл в другом. Со Степановым мы поехали на небольшой рынок, где наш НАС заправился и мы рванули назад. Гордые, с автоматами мы, наверное, выглядели комично на общем фоне.

Началась ежедневная рутина.

– Задолбало все, – говорил мой новый друг Китаец, он же – Женька Шамшин. – имеют нас, а мы сидим да охрану тащим, охренеть от такой жизни.

Мы стояли с ним, как придурки, в брониках и касках под грибком, и материли всех и вся.

– Кто у нас в отпуск едет? – спросил я у Китайца.

– Хрен знает... – Женька курил и при этом умудрился настроить транзистор на «Маяке».

Эти транзисторы дарили бойцам на День Победы. Стоимость копеечная, но применение нашли им быстро. Заменщики, дембеля, и прочие, кто ехал домой, вынимали из транзистора внутренности, забивали пластиком, а детонаторы входили в сигареты. И так как по началу таможни не было, все проходило по зеленой.

– У Фрола земляк домой едет, – наконец родил Китаец.

Это кстати и важно, ибо письма мы старались отправлять с кем-нибудь. Почта работала, но мы ей не доверяли, помню, как вдоль дороги, помимо цинков с патронами и выстрелами от РПГ, я видел разбросанные письма

– Надо письмо отослать, – сказал я.

– Надо – отправим! – подытожил Женька. – Во, Князь попиздил, смотри, Толян.

Оборачиваясь, я вижу нашего знаменитого Юрика, который опять пошагал в БМО к землякам. Придет не пустой, однозначно.

Князь, он же Князьков Юрка, личность легендарная, точная копия Шарикова из «Собачьего сердца», в вечных галифе, небритый и с прохиндейскими замашками. Вся бригада угорала от того, что Князь был поваром комбрига и умудрялся воровать продукты, за что был бит лично комбригом Булгаковым.

В полночь сменились, по прохладе притопали в палатку, свет уже выключен, но Нефед и Толик бойко мастерили сувениры на дембель из осколков минометной мины.

– Охренели парни совсем, – прошипел Китаец, на что мы были дружно посланы в жопу.

Подошедший Фрол порадовал, прибыл новый НИС, сейчас со Степой бухают, да взводник новый.

– И чего? – спросил я у Фрола.

– А похер... – ответил Фрол, – пошли к Князю, новости есть.

Доползли до угла палатки, где нас ждал Князь и Генчик Кортнев.

– В общем так, братва, – начал Князь, – сигарет больше не будет. Все, крутимся, как можем. И еще. Скоро перемирие, нахер, и начнем работать, новый НИС – придурок, поэтому предлагаю по стакану.

– Откуда? – удивляюсь я.

– Оттуда... – Князь разливает по кружкам водяру, теплую и противную.

Молча пьем, закусывая яблоками.

– Ты, Толян, пока шкуру тут тер, твои земляки перевелись, кто – в охрану комбрига, кто – в комендачи.

Я лишь пожал плечами, мне реально было пофигу. Землячки мои уже через неделю начали пробивать себе места наиболее выгодные с их точки зрения. «Нашли, значит, – подумалось мне, – и хрен с ними».

Утром увидел новое начальство. Подполковник Стрижков – точная копия актера Семена Фарады, был явно недоволен всем, что видел. Степанов сидел возле кунга и просто наблюдал за всем, как Сфинкс. Самое ласковое в речи НИСа было слово – пидарасы, но к кому конкретно оно относилось, никто не понял. Турыгин, как новый ротный, еще въезжал в суть, но взводный Усов, с повадками гопника, было видно, что уже разругался с НИСом.

Меня за ухмылку на лице назначили косить траву вокруг расположения, причем тупой косой. От скуки крутился в голове идиотизм какой-то, идет он лесом со своими построениями. Кстати, надолго и вправду его не хватило, через месяц вся эта уставная прыть кончилось.

– Завтра выезд, – сказал Турыгин и продолжил, – Взять миноискатели и бронежилеты.

Ну, с брониками все понятно, а вот с миноискателями – хрень какая-то – часть поломана у крепления рамок, часть без блоков питания, а батареек вообще нет, ушли на транзисторы. Любим мы музыку, что поделать. Но кое-как собрались.

В скором времени наш НИС зачастил на ЦБУ, и практически каждый вечер, группа саперов уходила в свободный поиск.

Это выглядело так: перед обедом строилась рота, как обычно не пойми, как, Турыгин докладывал Фараде, тот ставил задачу. Сегодня едем в одно место, делать одну, мягко говоря – фигну. Он перечислял, кто едет. Мы настолько привыкли уже к этому, что просто собирались, брали с собой все и по максимуму. Турыгин или Усов сопровождали тоже, но по очереди. Два наших друга срочника Миша и Вовик, а также – Леха Черных на БТР всегда стояли на парах. Иногда механом был Контрабас Чикатило, команда была ещё та. Без связи, без приборов ночного видения, в общем – шиза.

Так и в этот раз, загрузились по полной, взяли остатки авиабомбы и поперлись. У Старых Атагов, в зеленке, остановились.

– Значит так, трое – по ящику тротила, двое – эту хрень и вперед! – Скомандовал НИС, и мы пошуровали к бетонному арыку.

Картина маслом: ночь луна и кучка придурков гребет до арыка. Подошли, установили, Фрол растягивает линию, Турыгин матерится и явно в шоке от происходящего. Добегаем до БТРа, подсоединяем к КППМ провод. Хрень самолетную оставили на месте подрыва, НИС довольный, крутит ручку. Лампа загорается. Нажатие, секундная пауза, и грохот!..

С неба падают куски бетона, мы же лихорадочно сматываемся. От поста самообороны беспорядочно летят трассера, мы по газам и до дома!.. Блокпост пехоты проскочили легко, и выскочили в район рембата. И тут понеслось!.. Огонь по нам открыли ураганный, по броне БТРа раздалось щелканье.

– Пидорасы! Ублюдки! Гандоны! – Орала мы в сторону рембата, и увидели, как Фарада идет в их сторону и кроет трехэтажным матом. Первый же ремонтник в окопе получил по зубам так, что выплюнул пару штук сразу. НИС бушевал, как тайфун, получали все без разбора

Утром продолжили разбор уже между собой. Китаец в красках описывал, как нас чуть не угробили рейнджеры из рембата. А через час, ближе к обеду, был объявлен выезд, якобы на рекогносцировку. На самом деле все было просто. Так как с табачка нас сняли, нужно было выживать

.Заправились под завязку, техник Левченко, он же и старшина, закидал в БТР тушенку, пару упаковок сливочного масла, погнали. Раньше на горячие источники под Атагами за водой ездили без сопровождения. Но где-то за неделю до этого старшина и боец контрактник с нашей роты вместе с «Уралом» пропали бесследно. Теперь мы гоняли туда группой, дабы чтобы, кабы чего не вышло.

– Князь, делай. – Приказал Турыгин, и Князь пошел, в своих галифе, с небритой пропитой рожей, он был в своей стихии. Почти мгновенно продукты перекочевали в багажники «Жигулей». Возле борта выстроились местные с канистрами, Мишаня сливал солярку, а Князь с ротным закупались по полной программе.

Рядом стояла КШМ артелов. Их старший вместе с Фарадой, как старые знакомые, приглашали друг друга в гости.

– Единение родов войск это – не халам балам. – Важно изрек Фрол, – Это не по штабам водку жрать, а совместное расхищение военного имущества объединяет. – Продолжал угорать Фрол.

– Хорош тебе, – урезонивал Нефед. – И так, блядь, ни заварить, ни покурить. А так ротный чай хоть купит, чифирнем.

– Князь купит, – поправил Фрол, – ротный шоколадный в этом плане.

Пока говорили, сделка века состоялась.

Затарившись, решили заехать посмотреть, как местные нохчи строили мост через Аргун. Приехали в момент завершения, местные колготились табуном и оживленно переговаривались. НИС подошел к ним и, как со старыми знакомыми, стал общаться. Мы продолжали сидеть на броне, правда, автоматы с предохранителя сняли.

– Пи... ц котенку, – выдал я, когда увидел, что, Фарада заглядывает украдкой под мост.

– И хрен с ним!.. – Проговорил Генка, прикуривая сигарету. – Одним больше, одним меньше.

По приезду в расположение, Турыгин дал команду собраться четвертым. Я, Генчик, Фрол, Китаец подошли к кунгу НИСа.

– В общем, так, парни, берем вещмешки, укладываем в каждый аккуратно по ящику тротила и делаем боевики по полтора метра каждый по два миллиметр в миллиметр.

После этих нотаций НИС продолжил уже другим тоном:

– Военники и жетоны сдать, БК – по максимуму, Главное – никто никого не знает. А теперь – вперед!

В вещмешки уложили шашки, с боков проббили дырки, вставили шнуры и поехали в ночь.

На блокпосте через Аргун нас ждала пехота в лице двух старлеев, пошептавшись с Фарадой, один сел к нам, второй растворился в темноте. Остановились, как обычно, в зеленке, до моста осталось километра два.

– Все мужики, дальше сами. – Сказал старшой, – На мосту местные, так что с Богом.

Мишаня, наш пулеметчик, запрыгнул во внутрь.

– Парни я прикрою.

– Ага, глаза пятаками. – Буркнул я, так как стал потихоньку въезжать в замысел этой авантюры.

– Не бздеть... – Приказал НИС, и мы все мысленно послали его на родину.

Спустились вниз, топтать до моста по яйца в воде – не великое удовольствие. Хоть спички, по два коробка, и были в пакетах, но почему-то опасались именно промочить их. Страх смерти не было, зато была злость на Фараду. Еще очень хотелось набить кому-нибудь морду.

Нам везло – ночь стояла безлунная, иначе было бы без вариантов. Наконец, нарисовался мост, сверху явно слышались шаги.

– Служба налажена, – подумал я. – Сука, а ведь нам шнуры запаливать... Засекут, блядь.

Мысли в панике разбегались. Хлопок по плечу, оборачиваюсь, Генчик склоняется к уху:

– После запала – шнуры в воду, уходим по левому берегу, там навес. Понял?

Киваю и подхожу к опоре. Ледяная вода не ощущается, просто жарко. Привязываю вещмешок к опоре, жду. Смотрю на еле различимый силуэт Гены, как махнет, то жжём. Ага, поднял руку, две спички в зубах, шнур первый на сгибе пальца, большим пальцем прижимаю головку спички к срезу шнура, второй шнур – дублер, прижал мизинцем. Все, взмах. Чиркаю коробком, есть щелчок, немного искр, откидываю коробок, от первого зажигается второй, бросаю в воду. Почему-то вспомнилось, что скорость горения ОШ в полтора раза быстрее в воде, чем в воздухе. Уже плевать на все, ломимся на берег, сверху крик и длинная очередь. Внизу взрыв, но не наш – граната.

– Бегом!.. – Орет Генчик, мы щемимся, при этом понимая, что в ответ стрелять – это самоубийство.

Сердце реально рвет грудную клетку, воздуха нет. И тут из темноты в сторону моста пошла лениво очередь КПВТ. Миша, родной ты, Мишка, чумазый пулеметчик, которого звали за кривоногость «лошадь убежала, арбузы потерял», несмотря ни на что отвлекает огонь на себя.

С моста уже лупят в сторону БТРа, но там механик Леха Черных, медлительный в быту, а на боевых он – асс.

Не успели вылезти, как грохнуло так, что взрывной волной чуть не посбивало с ног. Четыре взрыва практически слились в один. Сидим, дышим как кони, куда переться – хрен знает.

– Саперы, саперы!.. – Из кустов полу-крик полушепот. В этот момент мы были готовы простить Мишке все, и то как он орал по утрам в палатке, и его вечное ворчание. Короче, если и есть на войне ангел, то он выглядел, как Мишка – потный, щербатый, кривоногий, но довольный до ужаса.

– Миханя! – Заорал я в полный голос, и мы полезли обниматься.

Очень довольный Мишка важно изрек:

– За мной, одноразовые, – и повел нас сквозь какие-то кусты в ночь.

Через минуты пять мы стояли мокрые, я – в разорванном маскхалате, но довольные возле БТРа.

– Все парни по събкам. – НИС, хоть и делает вид, что спокоен, но курит уже вторую подряд.

Домой добрались быстро. Князь, молодец, вскипятил чайник и ждал нас. Когда сели пить чай, нас накрыло, хохот стоял гомерический. Каждый теперь воспринимал то, что было, через призму юмора. Казалось, что все это было не с нами, а с кем-то другим

Глава 2,3

На следующее утро, не успев проспать, мы стояли возле НИСа, подальше от роты.

– Так, парни, где вы были или что делали, забыть к херам и все. Ничего не было, все поняли?

– Да поняли... – ответил Фрол. – И часто такая байда будет?

– Будет, – как-то мрачно пообещал НИС.

Буквально через час мы увидели, как Фарада пошагал в сторону ЦБУ. В роте все знали о наших ночных похождениях, но обходили эту тему стороной. Практически каждую ночь мы стояли на парах.

– От сука, – приговаривал Китаец, – лавры Судоплатова не дают покоя, а нас точно ушатает.

Мне лично это нравилось, воспринималась как игра что ли, и я был по-своему горд, что принадлежу к числу неких избранных.

В конце июля мои иллюзии стали пропадать. Как-то вечером подъехали к заброшенной ферме на любимую рекогносцировку. Обойдя все вокруг и осмотрев все, что можно, решили рвануть стоящую вдалеке водонапорную башню.

– Охуеть!.. – Услышали крик Китайца, бегом туда.

Картина: стоит Китаец на краю силосной ямы курит. Из-под прогнившей ямы виднеется сапог, запах сладковато тошный.

– Хули стали, вилы ищите, лопаты, доктор кошки давай. – Голос Фарады отрезвил. – Черных – связь, Вовк – пулемет. – НИС четко и грамотно расставляет задачи, будто труп в силосной яме – это каждодневная работа.

Спустя время подъехали четыре БМП с пехотой, и на БТРе сам папа – то есть комбриг. Через минуту после со стороны села показалась вереница машин, в основном шестерки и нивы все с белыми флагами.

– Накрыть бы их – размечтался я.

– Хрен дадут, вот поверь, скоро им жопы лизать заставят, но ничего ночью отыграемся. – Фрола просто трясло.

Комбриг с одним лишь снайпером Андрюхой Боровым что-то объяснял представителям села. Минут через пять начали копать силос. Картина предстала печальная: перерезанное горло, выколотые глаза, перебитые кости, и запах.... Запах смерти, причем в худшем проявлении.

– Где второй, я спрашиваю, где? – Уже на повышенных тонах начал комбриг. – В общем так, вам десять минут, и я кладу хуй на вас и на перемирие.

Вдалеке раздался гул моторов и, метров двести от нас, стали останавливаться в линию восьмидесятки танкового бата.

– Время пошло, саперы к бою!.. – Приказал НИС.

Сейчас ничего уже не было кроме пустоты и злости. И ненависть, только ненависть к этому с виду благообразному стаду, что шептало толи суры из Корана, то ли проклятье.

– У нас нет, это не мы... – Как мантру шептал один, видимо, из старейшин.

– Начали! – Рывкнул комбриг по рации.

Башни танков зашевелились и словно на выдохе плюнули в сторону села.

– Мало вам, суки, мало... – шептал Китаец, держа меня за плечо.

С ближайших домов поносило крыши, танкисты свое дело знали. Из поселка на скорости вылетел ЗИЛ с белым флагом и, поднимая пыль, рванул к нам. Танки дали еще залп.

– Прекратить огонь. – Распорядился комбриг

ЗИЛ остановился, из кабины вылез старик нохча и залепетал что-то непонятное.

– Громче, сука! – Рывкнул комбриг

.– Это не мы... Это они... Они пришли... Мы не виноваты...

Постепенно картина стала проясняться. Пользуясь перемирием, пехота с блокпоста зачистила в поселок за водкой, в итоге двое не вернулось. Вернее, вернулись, но в разобранном виде. Труп второго лежал в кузове ЗИЛа кастрированный, без глаз, без ушей и с перерезанным горлом. Ко всему прочему он еще был в говне, так как тело скинули в выгребную яму. Местные погрузили тела на одну из БМП и БэХа, помчалась в расположение части, местные тоже уехали в поселок, танкисты ждали, а комбриг позвал НИСа, они отошли в сторону и беседовали.

– Заменят комбрига, танков ему не простят. – Говорил Фрол, лежа на земле. – Их, сук, резать надо, а мы их в десны сосем.

– Ниче, скоро ночь, – сказал я, больше обеспокоенный тем, что опять не выплусь.

– Заебло все, хоть бы новеньких дали.

– Дебилов нема, – заявил Фрол. – Хотя их на тысячу лет припасено

Глава 4

По приезду в роту, обжигаясь чифирем, Китаец подвел итог:

– Водка дрянн, вернее – синька чмо, и, вообще, пить лучше дома.

– Иди ты, Женя... – лениво говорил Фрол. – Мы живы, остальное – херня. Лис, музыку.

Я ставлю кассету с группой «Ногу свело», и под хрипы «Хара-мамбуру» все, как по команде, стали выгребать из загашников всяческие придамбасы. Не прошло и полчаса, как поступила команда «строится».

– Объяснять ничего не надо, – говорил НИС. – Чечен Аул знаете, там мост, как бы лучше выразиться – недодорван. Расхерачить его надо к хуям. Вовк, солярку не всю продал?

– Хватит и еще останется. – У Мишки вид был – сама невинность, хотя только сегодня утром они вместе с техником Левченко продали на рынке почти полтонны ГСМ – горюче-смазочных материалов.

– Едем в ночь, едем сами и, наконец, настройте радики, мне ваша «Европа плюс» задолбала. – Продолжает Фарада. – Доктор, промедол получи у меня в кунге.

– Понял, – говорю.

– Не понял, а есть! – Орет НИС.

– Есть на жопе шерсть! – В ответ так же ору я.

– Тьфу, выезд через десять минут.

Вскоре на броне места мало, едем мы, плюс ротный, взводный и сверху закидали ящика четыре тротила. Сценарий прежней ночи: зеленка, Чикатило на месте механа, Вовк и Черных с нами. Пять ящиков тротила надо бы расфасовать, ну, да ладно, тащим так. В головном ушли взводный Женя Усов и Мишаня. Замираем в полукилometре от моста. И тут появляется Чикатило, сбивчивым шепотом докладывает:

– Чехи, блядь, сколько хуй знает, я бегом и до вас.

В общем, пока БТР стоял в зеленке, Чикатило вылез поссать, и его счастье, что была ночь.

Ситуация глупее некуда, на мосту наши, связи нет, а к ним напрямую рулят местные самооборонцы, что, в принципе, те же боевики.

– Вперед!.. – Команда НИСа подстегнула нас. Мы, не скрываясь, бежим в сторону моста. Трое вооруженных местных обалдели от нашего хамства, когда одному обеими ногами в спину прислал привет Генчик. Двое других ничего не успевают, прикладом в лицо Вовк выносит самого укомплектованного чеха, второй пытался поднять руки, но тоже лег рядом познакомившись с прикладом Китайца.

– Так, парни, быстро работаем. Оцепление ставим. Доктор, рвешь ты. БТР сюда.

И уже пофигу, без маскировки, без всякого стеснения, с матом и шумом, устанавливаем заряды. Я подготовил в темпе вальса шнуры и наблюдал, как Фрол с Китайцем, разоружив боевиков, заматывали им руки полевым проводом.

– Тащи сюда! – Ору им в полный голос. – И снимай оцепление.

– Чичас.

Парни подтаскивают чехов, после чего также скручивают ноги, те пока ничего не могут понять, лишь тупо смотрят и пытаются сказать, но нам не до них.

– Сейчас они нам расскажут, Лис, что они мирные и у них дети, семьи и они пацифисты. – Китаец стоял и курил в кулак. – Подождем?

А то я смотрел, как мимо меня пробегали наши ребята,

– Бегом парни, – говорю, – теперь наш выход.

– Вторая часть марлезонского балета, – подхватил Фрол, зажигая факела.

В «Чечен Ауле» стал загораться свет.

– Сейчас появятся, суки, – продолжил Колян.

– Ждем, господа, – сказал я, выжидая момент, прикинув расстояние и время горения шнура.

Зажигаю, аккуратно укладываю шнур и неспешно покидаю мост, парни уже ждут на броне.

Чикатило газует, и мы катимся далее вниз.

– А где пленные? – спрашивает Турыгин у нас.

– Отпустили, на хер!.. Нешто мы звери какие? – Орет Фрол.

У моста уже мигают фары. И в это время рвануло, ночь будто разорвало пополам вспышкой, грохот, с неба падают какие-то ошметки, и тут до ротного доходит, что пленных никто и никуда не отпускал. Квадратными глазами он смотрит на меня и на Фрола, пытаюсь что-то сказать.

– Не было никого! Понятно? – Кричит НИС, – И нас не было, и моста не было, забыли все. А если кто спросит, посылать ко мне.

Не доезжая до блока поста, мы увидели, как взлетели три подряд ракеты, причем красные.

– Долбоебы!.. – Орет Фарада. – Доктор, зеленую!..

Я в суете выпускаю зеленую ракету, она, взлетев метров на пять, шлепается на землю и попрыгала, хрен поймешь куда. Запускаю вторую, подполковник наш тормозит БТР и, почти бегом, спешит в сторону блок поста, мат стоит жуткий, уши вянут. Танк, врытый в капониры, стволом смотрит в нашу сторону. Ощущение говенное, прыгать нельзя, не ясно, что привидится нашим бронелобым. Все, вроде обошлось, танк чуть отводит ствол, мы тоже переводим дух, НИС вне себя от ярости.

– Гандоны штабные, – говорит Фарада, прикуривая у меня сигарету. – Прикинь, доктор, как водку им, так помнят, а как мабуту предупредить, так хуй.

– Бывает, – говорю, – живы и нормально.

– Сейчас на базу, завтра пойду на ЦБУ, а может и не пойду, ну их... – НИС докурил, плюнул, вытащил из моей пачки еще одну «Кэмел». – Поехали с песнями, парни.

До расположения добрались нормально, но с утра началось...

Глава 5

– Пошли вон, товарищ майор, это моя рота, и вы никого не имеете права допрашивать! – Наш НИС, хоть и был в бешенстве еще больше похож на артиста Семёна Фараду, но в спортивных штанах и кителе, выглядел очень воинственно. Перед ним стоял майор-особист, а по расположению роты бродили еще несколько капитанов, все как братья в чистой и лощеной форме.

– Я требую... – начал было майор.

– У бабы своей требовать будешь. – перебил Фарада. – Если есть вопросы, задавайте мне, бойцов трогать не дам.

– Я имею право арестовать участников вчерашних событий. – майор пытался придать своему голосу уверенность, но повернул голову и осекся.

Из соседнего кунга вышли ротный и взводный, оба – при полном параде.

– К бою, парни!.. – Приказ ротного предельно ясен.

Буквально пять – десять секунд и возле НИСа, помимо офицеров, стояли Фрол, Китаец, Нефед, Генчик, Елисей с улыбкой маньяка и я. Позади нас внезапно завелся БТР и красноречиво повел стволом КПВТ в сторону особистов.

– Прекратить, немедленно прекратить! – Заорал, неведь откуда взявшийся, полковник Юдин, начальник штаба бригады. Вся его внешность кипела возмущением – Вы ответите, подполковник Стрижков!

– Иди ты на хуй, товарищ полковник... – на удивление спокойно отреагировал Фарада. – Я не позволю допрашивать моих людей, как гопоту подзаборную! И вообще, мы выполняли приказ.

– Чей? Я спрашиваю, чей приказ?! – допытывался Юдин.

– Разговор будет на ЦБУ. – Отрезал НИС. – До моего приезда никого, слышите, никого, никакой падлы на территории быть не должно. Турыгин – старший, Усов – организовать оцепление. Бойцы – за мной.

На ЦБУ картина маслом: НИС в трениках, в кителе. БТР на парах, и группа головорезов в нашем лице. На этих самых лицах читалось немало решимости отстаивать свою правоту.

Перепуганные непониманием ситуации особисты дополняли всю эту красоту.

Ситуация сложилась такая, что после Булгакова, комбригом стал Мухин. Не самый лучший представитель русского офицерского корпуса. При нем в бригаде начала процветать всякая нечисть. Бригада держалась на полевых офицерах, и часто штаб был не в курсе событий. Вот и сейчас мы были свидетелями праздника абсурда.

– О, бля, козлы прибыли... – усмехнулся Нефед, глядя как нас окружает комендантский взвод. – Ну- ну, поглядим сейчас. Лис, делай.

Комендачи, как вороны, кружат возле нас, но подойти боятся.

– Привет, парни, что жарко? – чей-то жизнерадостный голос явно выбивался из всеобщей мрачной картины.

Оглядываемся, рядом начальник разведки Косарев, по-нашему – НР, и бойцы из ВУНРа (взвода управления начальника разведки).

– Мы к вам для поддержки штанов.

– Спасибо, тащ майор. – Выдавливаю я, на душе уже спокойней.

– Не бздите, Муха не поймет, он с блядьми ночь бухал. – Продолжает НР. – Парни, саперов беречь, я до Фарады, -майор рывком открывает дверь штабного кунга и исчезает в нем.

Мы закуриваем.

– Как у вас? – интересуется Фрол у разведки.

– Загонял НР в доску, боевое слаживание, мать его. – Рассказывает похожий на цыгана усатый боец.

Он, насколько помню, из Москвы. Мы с ним прибыли одним потоком.

– Бегаем, прыгаем, а у вас веселее будет. – Продолжает чернявый. – Кстати, Киса – я.– представляется он.

Знакомимся, и уже через минуту, как старые друзья, стоим и ржем будто кони над нашими специфическими шутками.

Прошло полчаса, наконец-то наши отцы командиры вышли из кунга.

– Слава, давай вечером, я жду. – говорил НР, – посидим, поговорим.

– Давай, я только прокачусь сегодня и в девять у тебя.

Они пожали друг другу руки и расстались так, как будто знали друг друга с детства.

В расположении, жизнерадостно и виртуозно матерясь, Фарада устроил форменный разнос личному составу. Попало за все, за разгильдяйство в первую очередь. Даже наша ротная собака Жулька и та сидела под БТРом и помалкивала.

Наш Фарада очень отрицательно, как и многие командиры, относился к штабным крысам, и было от чего. Во время комбрига Мухина в бригаде стало процветать пьянство, да и дисциплина не просто упала, она рухнула. Лишь немногие подразделения смогли сохранить боевой настрой.

НР Косарев гонял своих до одурения, комбат второго батальона и наш НИС не отставали.

Зато на ЦБУ творилось хрен знает что.

Ребята из ФПС показывали нам наградные листы на нашу тыловую братию. Мама дорогая! Они и в атаку водили, чапаевцы хреновы, и на танки грудью! В общем, Рембо, это так, погулять вышел.

После этого случая прошло пару дней, НИС гостил в разведке и пил водку в честь боевого слаживания между разведкой и саперами. В итоге за два пузыря НИС подарил меня третьему разведвзводу, а по сути – всей разведке. Я стал вечно прикомандирован к нашей любимой бешеной роте. И это сказалось на моей жизни очень скоро.

Поздно вечером, в конце июля, к нам подлетели две БМП с разведосами. НИС поздоровался с ними, как с родными.

– Ну, доктор, бери Китайца и погнали.

Я стоял и пыхтел:

– Ниче, товарищ подполковник, что у нас чай заварен и водка стынет? И вообще, я уволюсь, к ебням! – орал я. Мотаться с НИСом уже напрягало.

– Заткнись, Доктор, и поехали. За месяц у меня штук десять рапортов уже. Ты, как нажираешься, так рапорт. Так что не пизди! Собирайся!

Крыть нечем.

С Китайцем загружаемся на головную БМП.:

– Разведчики! – Киса в наглуую ржет над нами. – Поехали, одноразовые, порох нюхать.

– Все лучше, чем говно в окопах топтать. – хмуро парирую я

Глава 6

Прогнутые рессоры. Спрашивать, куда едем – это дурной тон, поэтому снимаем автоматы с предохранителя, к бою готовы, рейнджеры, блядь.

В это время наша пара срочников, Селиверстов и Цуканов тащат, так называемый доппаек.

– Дайте в дорогу пожрать, – говорит Китаец и начинает набирать детское пюре прямо в вещмешок.

– Да нахер надо, – говорю Женьке, – срать еще потом где попало.

– Не бзди, все нормально, – парирует Женька.

Рывок и мы поехали. Из-за вот этих рывков мы недолюбливали наши БМП, да и в плане дизайна они тоже проигрывали БТР по всем статьям, хотя на любителя, кто-то думал и наоборот. В общем, едем, по принципу «едем в одно место, делать одну херню». Замечательный принцип. Потихоньку темнело, мы же кружились от зеленки к зеленке, кого искали – непонятно, но вопросов не задавали. Наконец-то остановились, и разведка разбежалась по точкам, мы же как дурни лежали на броне и курили в кулак.

– Нанялся я им бегать, – ворчал я. – че приперлись, куда приперлись, а главное нахрена? Мое дело рвануть или не рвануть, а тут носись, как сайгак.

– Точно, в жопу опять встрянем, – поддержал Китаец, – быстрее бы мать освободили что-ли.

Мать Женьки, банкирша, сидела под следствием, а Женек сховался у нас, что не мешало ему быть вполне отличным сапером и мужиком...

– Надоело, блин, менты денег хотят, суки, – продолжил Женек, – а дать хоть рубль, так блядь без штанов оставят. Не давать им, давалка сломается. Но ниче, мать выкрутиться и нахуй из России.

Мы молчали каждый про свое, мы никогда не лезли никому в душу и свою не открывали, к Родине любви не испытывали, у каждого было свое, личное. И это личное оберегалось покруче любой военной тайны.

– К бою парни!.. – скомандовал откуда-то взявшийся Фарада.

Как пружины с брони и в арык, темно, но по дыханию слышу – рядом Китаец. В знакомую ночную серенаду цикад вплетается звук моторов, фар не видно, но кто-то светит время от времени фонарем. Приближается колонна из двух микроавтобусов и легковой машины.

Ждем нужного времени, ощущается физически – внутри что-то распирает и не хватает воздуха.

Началось. Вот оно, то мгновение, ради которого все, вся суета, весь недосып, весь дебилизм жития. Пружиной вверх и на одном дыхании бью короткой очередью приблизительно туда, откуда светил фонарик. Рядом шорох и приглушенный мат, это Китаец валит кого-то у машины, резко загораются фары у наших БМП. Разведка – молодцы, не зря их Косарев гонял, все пассажиры двух «микриков» лежат мордой вниз. Оцепление уже давно на местах. Начинается рутина, на машинах непонятная аббревиатура да четверо мужиков, явно не местные, да и не русские явно.

– «Врачи без границ»! – говорит Киса. Он как всегда спокоен словно удав, – Чмошники, заебали, и нашим и вашим, есть курить?

– На, кури, – протягиваю ему пачку «Кэмела»

– Нормально у вас, – говорит Валентин, – я возьму пару?

– Все бери, у меня есть, – говорю ему. Сам же смотрю на машины и не могу понять, что не так тут явно. Вроде нормально все, и все равно есть что-то неправильное. Оп-па, вот оно что!.. Толкаю Кису.

– Рессоры, Валя, рессоры... – и отскакиваю в сторону.

Все как по команде наводят автоматы на наших гостей, Киса одним прыжком преодолевает метры до машин, успевая сбить с ног одного из задержанных.

– Кузов, бля! – кричит Валентин.

Вопросы излишни, кузов пуст, но рессоры машины прогнуты. Двое из разведчиков умело вскрывают дно кузова, вернее отрывают лист фанеры.

– Охуеть... – произносит начальник разведки и смотрит на НИСа. Тот молчит, молчим и мы.

Аккуратно уложенные автоматы АК-47, а также подствольники, цинки с ВОГами и патронами, зеленовато поблескивая, смотрят на нас.

– Ни хрена себе медицина, – хмыкает Киса, – автоматы – это как обезболивающее, походу, а ВОГи – это свечи в жопы больным ставить.

– Доктор, идите сюда, – зовет Стрижков. Подходим.

– Значит так, отпускать нельзя, вязать тоже, перед нами «Врачи без границ». Секунда думать, что делать?

– Валить! – хором выдыхаем мы с Китайцем.

– Это без вас, а нам нужно обставить... Ну, вы поняли... – НИС курит и смотрит на нас.

Ощущение нереальности полное, первым очухался Китаец:

– Тротила мало, – произносит он, – надо у разведки спросить. И идет в сторону Кесарева.

Я молча наблюдаю, как всех задержанных сгоняют в кузов второго микроавтобуса, последними запикивают четверых иностранцев, те молчат, ибо, походу, ничего еще не могут понять. Китаец приносит килограмма два пластида.

– Вот дураки, на хрена им пластида столько, если детонаторов нет, – говорит Женька, – Толян, у тебя что?

– Да есть немного, – говорю и из сумки достаю еще килограмма три тротила. Удобные эти сумки из под МОНОк, все лучше, чем штатные сумки сапера.

– Солярку дать? – спрашивает один из механиков БМП.

– Давай, – киваю ему, и он, вздыхая, отдает две канистры по двадцать литров.

– Нормально, – говорю ему, и приступаю к работе.

Ухожу, оглядывая все вокруг, будто стараясь запомнить все, что вижу. Тишина, перед подрывом стоит такая, что не передать – слышу, как бьется сердце, отсчитывая последние мгновения. Это до, а после уже нет ничего, совсем, есть только «до» и никаких сослагательных.

Взрыв раздался, как всегда, неожиданно, ни криков, ни шума, только пламя, много огня. Два микроавтобуса полыхают, будь здоров.

– Уходим, – говорит НИС, – сейчас самое прикольное будет....

«Конечно, будет», – думаю – «нахрена же „Ниву“ с собой забрали».

Метров через пятьсот загоняем «Ниву» в зеленку, снимаем с нее все, что снимается, Китаец оставляет пару сюрпризов в виде гранат под сиденьями и готово.

– Женя, нахрена это надо?! Пехота полезет и подорвется, – пытаюсь объяснить нелепость этой затеи.

– Ниче, их много и нечего лазить, где попало, – парирует Женек.

И он прав, тут не поспоришь. НИС и начальник разведки проводят ликбез на тему – слепо-глухие бойцы со склерозом – основа современной армии. Дураков у нас нет, поэтому все воспринимаем нормально.

Глава 7

Боевые листки. До базы добираемся часам к трем ночи.

– И вот, на тебе, – Князь, заваривая чай, сообщает, – скоро переезжать будем, под Шали, мне местные сказали.

– А больше они ничего не сказали?! – психую я, – Мы не знаем, а они знают!

– Прикольнo, однако. Они все знают. – говорит Женька, – У нас все продают суки, так что не психуй, пей чай.

С утра у НИСа поехала крыша, иначе объяснить я это не мог.

– Доктор, займешься боевым листком, – заявил он мне сразу после завтрака.

– Чеее? – не врубаюсь совсем.

– Тупой?

– Я? Да, тупой.

– Для тупых повторяю. Фломастеры возьмешь у ротного, листки на, бери, – и дает мне небольшую кипу.

Разговор двух психов, вид у меня оглоушенный. Как робот беру листки и бреду в кунг к ротному. Техник Левченко ухахатывается:

– С почином тебя, Лис.

– Иди ты, огрызаюсь я.

Ротный обалдел так же, когда я пришел с утра за фломастерами.

– У него что, совсем крыша поехала? В роте народу хуй да маленько, а он листки, в жопу пусть запикает! – кипятился Турыгин.

– Да ладно, тащ капитан, – говорю ему, – сейчас нарисуем! – успокаиваю, как могу.

Итак, все готово, вопрос – что писать? Приходит взводный Усов, приносит в котелке заверенный Князем чифир. Молча пьем.

– Мужики! – к нам заваливается второй супервзводный – Костя Шестакин, – У меня загадка и еще вопрос, что стреляет в пятку, а попадает в нос? – жизнерадостность Кости беспредельна.

– Чего у тебя, Толян? – он берет листки, – Обалдел?! У нас подпол, ну да ладно... – забирает фломастеры и листки, садится за стол.

– Зря, – подвел итог Усов, – за эти листки нас, вернее тебя, будут иметь в извращенной форме.

– Да, ладно, пусть пишет, – сказал Турыгин, разливая чай, – ему все равно делать нечего.

Мы сидели, трепались ни о чем, по молчаливому согласию не касаясь темы войны и всего, что с ней связано.

– Ебучее государство, – вещал ротный, – на хрена мне было учиться, чтобы сдохнуть в горах? Ладно бы, если кто напал на нас, а так что? Вот ты, Лис, на кой сюда приехал?

Я задумался. А вправду, зачем? Деньги. Наверное, деньги, адреналин – тоже верно, самоутверждение – тоже как вариант.

– Хрен знает, мужики, – говорю, – наверное, на жопу приключения искать, да и деньги, наверное. Я ведь с армии пришел, вернее с тюрьмы, ни носков ни трусов, работа есть, а за нее лимитки дают, воровать стремно, за дарма пахать – тоже не варик.

– Спасибо Бене за то, что работу дал. – выдал Усов.

– Да на хую я их всех видел! – продолжил я сам по себе, – Кстати, не в курсе, почему нынче Родина? Я бы продал со скидкой.

– Нет у нас Родины, парни, – вздыхает ротный, – проебали все к хуям. Давай, мужики, не чокаясь, за последних солдат Империи.

Мы встали, последние солдаты, присягавшие СССР, каждый о своем, за свое, и в этот момент каждый внезапно почувствовал то, о чем не расскажут и не покажут – ощущение братства, единства. И даже, если придется стоять насмерть, то каждый будет стоять до конца, и не за Родину, нет, а потому, что так надо, за мужиков, с которыми сейчас тут, возле этого кунга, за вечно сопливого Селиверстова, за Фрола, с кем спорили до драки, за всех кто сейчас тут, и плевать на все! Ибо это свое, личное, за что грызть зубами надо.

– Готово, пойду приклею.– Шеставин вышел с двумя листами.

– Слышь, мужики, – к нам вваливается техник Левченко, – что по солярке делать будем? Зампотех достал.

– А сколько у нас? – интересуется Усов.

– Тонна нашей, и зампотех тонну дает, списано все уже по тому месяцу.

– Головенько, бери, – ротный уже прокрутил в голове всю комбинацию, – Лис, бери наших, давай на выезд, Фарада на ЦБУ, если что – отмажу.

Подрываюсь и бегом в палатку. В палатке идиллия. Толик Бойко, по прозвищу ТТ, закатывал в банки из под тушенки пластид, Фрол лежал и наблюдал за этим всем со спокойствием сфинкса.

– Где все? – спрашиваю у Фрола, – Ехать надо.

– Надо, поехали, – Фрол встает и за пару секунд уже готов, – погнажи, Лис.

– Так, где наши? – повторяю ему свой вопрос.

– Китаец у фепсов, Князь в БМО, Елисей в медроту ушел, Корт у земляков, остальные хрен знает.

– Так и живем, – подвожу итог, – поехали быстрее.

Выходим из палатки, Левченко уже на броне.

– Рейнджер, блядь! – говорит Фрол и плюется.

– Да уж... – вторю ему.

Наш прапор как с картины «Советская военная угроза». Бандана, разгрузка немисленая, магазины-спарка, гранаты отовсюду и ножей штуки четыре.

– Барыги на войне – это жопа... – ворчит Фрол.

– Быстрее давай! – кричит техник.

Из люка высовывается довольная щербатая морда Мишки, он явно наслаждается ситуацией. И тут уже охреневаю я – к нам подлетели две КШМ, и «наливник». Да, наш техник жидковато смотрелся на фоне тыловой братвы. «Мухи», «шмели», пулеметы, чего там только не было.

– Парни, хочу огорчить вас. Грозный взяли, а Басаев от вашего вида в Грузию убер! – ерничает Фрол.

Мы с ним выгладим совсем не комильфо, латанные маскхалаты, пара Ф-1 да магазинов по паре и все.

– Ты, братан, когда тебя грохнут, а тебя грохнут, падай рядом, я у тебя боекомплект пополню! – Фрола несет, – Кстати, парни, за БМОшника чехам премию дают, так что, Лис, мы с тобой в горе, ты сообщил что едем? – Фрол явно в ударе.

– Аслан сказал что ждет, – говорю я, – деньги на счет кинут.

– Вы че, парни? – не может понять, шутим мы или нет один из рейнджеров.

– Там увидим, – теперь мой черед стебаться, – завещание-то написали?

– Вчера! – Левченко перебивает нас,

– Поехали быстро, пока Фарада не в теме! Бегом давай! – орет он Лехе Чернову,

– Иди ты в жопу... – лениво цедит Лелик и неспешно закуривая подходит к нам, – На блокпосту был, масло скинуть надо. У парней ни курить ни заварить, заебали шакалы. Заедем?

– Да легко, – отвечаю, сейчас с нашими разберемся дураками и заскочим. По коням орлы!

Мы рванули так что КШМки отстали метров на сто. Да уж, их механам до Мишани – как до Пекина раком. На развилке у Старых Атагов встали, ждем наших предпринимателей, мать их. От поселка в нашу сторону едет «шестерка», за рулем один человек. За руль садиться Лелик, Мишаня снимает автомат с предохранителя. «Шестерка» останавливается метров в пятидесяти от нас, из нее выходит нохча лет сорока и медленно идет к нам.

– Привет. – подхожу к нему почти впритык.

– Здравствуйте, уважаемый, – а глаза у сучонка бегают.

– Соляру надо? – сам оглядываю местность, – договоримся, у меня тонны полторы, цену знаешь. Еще сигареты нужны и по мелочи прикупить.

– В селе есть. – говорит нохча.

– Я не придурок, – отвечаю, – мы поняли друг друга?

– Мне поговорить надо, – наконец-то рождает собеседник, – я отъеду сейчас и через полчаса буду.

– Давай. – соглашаюсь я. Расходимся по местам, «шестерка» мчит в село, я же курю у БТРа. Наконец-то прикатили рембы на КШМ, старлей их, по ходу старшой, раздает команды. Фрол не выдерживает

– Хорош суетится! Двое-трое на продажу, остальным в оцепление! – орет Коля.

Как ни странно, все выполняют команду. Наконец-то, от села, нещадно пыля, появляется кавалькада из пяти машин. Не спеша подъезжают и начался торг. Двое молодых чеченцев бегают с канистрами, старшие стоят с нашими отцами-командирами, деньги переходят из рук в руки, один «жигуленок» пару раз смотался в село, и каждый раз привозил полные пакеты. Через минут сорок все кончилось, расстаемся, с виду довольные друг другом.

Бойцы с БМО, очень гордые проведенной операцией, поехали в расположение части, мы стоим.

– Какого стоим? – спрашивает Левченко.

– Слышь, надо до блокпоста сгонять, – заявляет Фрол, и уточняет, – зёмы просили помочь.

– Надо так надо, поехали. – легко соглашается прапор.

На полном ходу мчимся в сторону блокпоста, ехать недалеко, но через зеленку, внутри неуютно, но стараюсь не думать о плохом, хотя непроизвольно нащупываю гранату в кармане штанов. На блоке встречает лень и тишина во всех проявлениях, никто даже не вышел навстречу. За бруствером часовой чавкал яблоком, автомат валялся в метре от него, БМП в капонири имела заброшенный вид, на стволе пушки, висели чьи-то носки и майки, марево от жары сковывало все движения.

Глава 8

Мы остановились как раз у самодельного шлагбаума.

– Охренеть! – только и произнес я.

– Нормально, Лис, это мабута, – поясняет Фрол. Прыгаем с брони и подходим к часовому.

– Где Кузя? – спрашивает Фрол.

– Я ебу? – лаконичный ответ ставит нас в тупик.

– Кузя!!!! – не выдерживает и орет Фрол.

Откуда-то появляется нечто в шлепанцах, шортах и бронежелезе на голом теле.

– Привет, мужики! – здороваются нечто.

– И тебе не хворать, – заявляет Фрол, – масло где? Нам валить надо. А чего тут вас?

Всем по хер, что-ли?

– Задолбало к хуям все, сиди тут как debil, ниче, скоро домой. Давай, парни, я вам масло скину, а вы мне на месте водкой скинете?

– Вопрос интересный, а сколько масла? – это наш техник встречается в разговор.

– Литров сто есть, без напряга отдам.

– А старшой где? – интересуется техник.

– Где где... в пизде, – ухмыляется Кузя, – как уехал к Мухе на ЦБУ, так с концами.

Третий день нет.

– Понятно, а у вас тут анархия! – ржет наш техник.

– Ага, бей белых пока не покраснеют, и красных пока не побелеют! – Кузя явно доволен ситуацией,

– Ладно, давай, – Фрол берет инициативу в свои руки.

Пока они торговались, я прогулялся по блокпосту. Скука, тоска и вообще делать на посту явно нечего, бойцы спали кто где, лишь бы в тени, но это для непосвященных. Было заметно, что при любом кипише это с виду раздолбайство, ощетинится – мама не горюй.

– Лис, погнали! – орет Фрол.

Они уже с Кузей обмыли сделку века.

– Давай за дружбу, – говорит Коля и протягивает стопку – колпачок от минометной мины, – за единение Толян.

– Давай, парни, – я выпиваю теплую и пахнущую соляжкой водку.

– Ну все, – техник жмет руку Кузе и почему-то мне, – увидаемся.

– Баааа! А наш техник-то готов! – я смотрю на Фрола, он скалиться от комической ситуации.

Техник из всех сил старается держаться, мы делаем вид что ничего не видим, едем до расположения без приключений. Зато по приезду на базу, меня лично встречает ротный.

– Иди к Фараде, там такое... В общем, иди, – еле сдерживает смех Турыгин, – НИС твои боевые листки на ЦБУ припер к замполиту, не читая. Это пиздец, Толян.

Твою мать, я совсем забыл про наши с Костей шедевры. У Фарады дым с ушей.

– Идиот, ты читал сам, ты что писал? Ты охренел? Ты debil? Это что? Помощь местным в уборке конопли? А это что за лозунг: «Вид бегущего сапера в мирное время вызывает недоумение, а вид бегущего сапера в военное время вызывает панику»? Ты охренел, боец? Я тебя, суку, в пехоту отдам!

Я молчу, мысленно матеря Костю и Фараду до кучи.

– На хуй! Все! На тапик! Навечно! Навсегда! Надо же придумать, соревнования по спортивному литрболу! Пошел вон, придурок!

Иду к Косте, Шеставин пьет чай за столом в капонири у кунга.

– Вопрос у меня к тебе, – начинаю я.

– Забей, Лис, и пей чай, – перебивает взводный, – а то, что на выезда не возьмут – хрен с ним, деньги те же, а риска меньше. Водку-то привезли?

– Да, привезли, – говорю ему и сажусь рядом.

Он прав. Он действительно прав, но есть одно маленькое «НО». Как смотреть в глаза пацанам, вот это главное, а остальное – херня на постном масле.

– Не гони, – продолжает Костя, – посидишь на телефоне пару дней и все будет хорошо.

Утро началось с комедии. Я сидел под масксетью у телефона и ждал звонка от «Заезда 08», то есть от ЦБУ, курил, и гонял чай.

– Доктор!!! Доктор!!!! – орет НИС.

Я молчу. Парни выглядывают из палатки с любопытством, ожидая продолжения.

– Ты охренел, доктор!!! – подлетает Фарада.

– Никак нет, товарищ гвардии подполковник! – в ответ ору я, вытягиваясь по стойке «Смирно».

– Какого ты тут сидишь? Ты, бля, где должен быть? – интересуется Стрижков.

– Выполняю приказ «Охуеть у телефона»! – ору я.

– Кто? Какой мудака приказал? – НИС продолжает ссать кипятком.

Выполняется приказ гвардии подполковника Фара... тьфу, Стрижкова!

Немая сцена. Занавес. Фарада быстрым шагом уходит, вернее, почти бежит к себе в кунг. Все, я уже мысленно прощаюсь с армией, и почему-то мне даже не грустно, просто никак. Будто из меня выпустили весь воздух. Накатило ощущение полной апатии.

Через пять минут опять вопль:

– Доктор!

«Задолбало все» – думаю и уже со злостью иду в кунг.

– Слушай меня. Бросай все и на выезд вечером, и всех собирай, прем без разведосов. Все, иди. – я обалдевший бреду к палатке. Там с любопытством встречают парни.

– Че отымел? – интересуется Эдик Афанаськин.

– На выезд сегодня надо готовиться, – говорю ему и падаю на спальник. Идет оно лесом, мысли вразной и реально ничего не хочу делать. К выезду готово все уже со вчерашнего дня, так что валяюсь до вечера. А вечером на БТР грузится вся наша гоп-компания вместе с ротным и взводным Усовым. БТР облеплен до предела.

– Не иначе, как на войну едем! – шутит Фрол,

– Ага, на Куликово поле! – отвечаю ему, ибо настроения нет совсем.

По темноте едем вдоль зеленки, непонятно куда. И тут в тишине выстрел пулемета ПКТ. Встали как вкопанные. Оказалось все просто. Мишаня, ворочаясь в башне с пулеметами нечаянно нажал механический пуск ПКТ. Но главное не в этом, а в том что Турыгин в этот момент наклонился и пуля прошла возле шеи отстрелив кусок воротника у бушлата. Ротный был бледный как мел. Это даже не столько виделось, как ощущалось.

– Да ты, Вася, в рубашке родился... – произнес НИС, держа в руках бушлат.

Из люка высунулся не менее испуганный Мишка. Ротный посмотрел на него и улыбнулся:

– Аккуратнее, Миша, ладно?

– Ага... – только и выдавил из себя Мишаня и снова в люк.

Поехали дальше. Настроение после случившегося было как-то не очень. Мы, конечно, слышали разные истории о случайностях в обращении с оружием, но сейчас столкнулись впервое. Но все мысли прервала остановка. Спешились, заняли круговую оборону.

– Суки, – шептал Эдик, – когда у нас ночники появятся? Темно, как у негра в жопе.

– А ты на слух. – советую ему.

– На нюх, епть! – парирует Эдик

Глава 9

Откуда-то появляются НИС и ротный.

– Так мужики, минируем развилку и уходим, – ставит ротный задачу, – из всего арсенала у нас нажимные ПМН-2, значит, будем усиливать тротилом.

Пошли парами. Я как обычно с Китайцем. Женька уже позади меня. Возвращаемся к БТРу, подходят остальные пары. НИС явно не доволен, что-то не по его плану.

– Домой! – командует ротный.

– Домой, так домой, – бурчит Женька. Едем в сторону базы, на блокпосту тормозимся, НИС идет докладывать что-то по рации. И вдруг в тишине слышим сначала взрыв, через минуту еще пару, и буквально через пару мгновений серия взрывов.

– Ни хрена себе... – только лишь проговорил ротный.

У всех наших на лицах довольные ухмылки, пехота смотрит на нас с уважением, а Китаец, вальяжно развалившись на броне, начинает:

– Сигареты не будет, братва?

Прикуривает услужливо поданную сигарету, лениво выпускает дым со словами:

– Выспаться бы, а то каждую ночь все воюем и воюем. Второй автомат за неделю беру, зарубки некуда ставить. К вам, что ли, перевестись? У вас тихо, хорошо, а у нас ни секунды покоя. Достало все, уши резать, что ли, начать?

Мы, улыбаясь, слушаем эту ахиною, но пехота смотрит Китайцу буквально в рот, того несет по бездорожью:

– А знаете, парни, мне и двойные боевые не нужны, отдохнуть бы мальчика, а с утра опять в рейд, – вздыхает Женька, – тут у нас случай недавно был, помнишь Лис?

– Помню, помню... – поддакиваю ему.

– Так вот, – Китаец бесподобен, – идем с Лисом по ночи в дозор. Короче, послали. Жара страшная, пот по всему телу, цикады трещат, и тут видим – чехи прут. Че делать? Слева – арык с водой, справа – мины. Ну мы с Лисом прыг в сугроб и сидим. Короче, еле выкрутиться успели.

Мы, еле сдерживая смех, смотрим на пехоту. Те верят всему.

– Мужики, а как к вам перевестись? – спрашивает один из пехотинцев,

– Это тебе к Фараде, – Китаец лениво выпускает кольца дыма.

– Это, кто? – пехота явно не в теме.

– Счас, поймешь. Товарищ подполковник, разрешите обратиться? – по-уставному обращается к опешевшему Фараде Женька, – Тут парень хочет к нам.

Стрижков внимательно смотрит на нас.

– Не всех война убила, вас куда девать прикажете? – НИС подхватывает наш стеб.

– Расстрелять на хер! – рапортую я.

– Тебя первого, – вторит НИС и уже к парню, – малой у тебя пап-мам есть?

Тот кивает.

– Вот и езжай к ним, а на этих не смотри. Это – конченные люди, они отравились, понимаешь? Совсем отравились, а это заразно, так что не надо тебе это, парень, не надо. Иди.

– Домой, парни! – командует ротный и мы, уже чуть ли не с песнями, едем в расположение.

Под Старыми Атагами стоянка считается уже временной, скоро будем переезжать под Шали, поэтому стараемся отыгаться по полной. По приезду офицеры ушли в кунг к ротному, разрабатывать очередную пакость нам на радость. В палатке орет группа «Ногу свело». Заходим и видим, что никто не спит, работает дырчик, поэтому свет есть. Запах стоял такой, что перешибал все остальные запахи, включая запах пота, грязи и немойтой обуви.

Священнодействуя над кастрюлей, Князь в своей обычной манере приговаривал:

- Это для поднятия тонуса и сужения ануса, парни, пусть земля нам будет пухом.
- Давно херней страдаете? – спрашиваю у мужиков.
- Та не, с рождения, блядь! – философствует Князь.

Вокруг кружки собираются наши ботаники, любители травы и профессионалы кайфа.

И тут...

– Здорово, мужики! – влетает в палатку Костя Шеставин, – Я че пришел... Ооо... Это что? Чай? Со сгухой? А че молчим? Короче, переезжать будем!

И тут он выпивает почти полкружки манаги.

– Вы че сахару еще набодяжили? С ума посходили? В общем, Лис, Фрол и Китаец, зайдите ко мне, лады? Дело есть, – и Костя выбегает из палатки.

Кружок юных ботаников стоит, молча пытаюсь понять, что сейчас было.

– Ревизор, блин, курит. – резюмирует Женька.

– И что дальше? – спрашиваю у парней.

– Это пиздец, Толян, это просто пиздец.

Князь пускает остатки манаги по кругу и закуривает. Мрачно сидим в палатке. Проходит полчаса и началось.

– Китаец, Лис!!!! Сюда, бегом!!! – крики Усова ни с чем не спутать.

Бежим к палатке, где живут Левченко и Шеставин. У палатки стоит с ошарашенным видом взводный.

– Что за херня, парни? У Шеста крыша поехала, надо что-то делать! – Усов явно не в теме.

– Заходим в палатку и видим Костю, пускающего слюну, а в руках автомат.

– А-а-а-а... – протяжно, на одной ноте, тянет Костя и покачивается.

– М-да... Доктор, что делать? – ехидничает Женек.

– Гасим, – и бью Костю в ухо со всей дури, – прости, брат, так надо.

Шеставин лежит, и не поймешь – то ли в отрубе, то ли нет.

– Вяжи его! – кричу Женьке, – И оружие отсюда все на хуй!

Быстро вяжем ноги и руки, обыскиваем и забираем из палатки все, что даже в теории может взорваться или выстрелить. Выходим из палатки злые не столько на Князя, сколько на раздолбая-взводного.

– Ну, и чего делать будем? – вопрос повис в воздухе. Фрол, размахивая руками, что-то объясняет ротному.

– Надолго? – Усов смотрит на Женьку,

– Не знаю, как отпустит, жмет плечами Китаец, – дня два уйдет.

– Весело, – подитоживает взводный, – я не спрашиваю кто, я хочу спросить – нахрена?

Вам делать нечего? Хотя, понятно, из всей роты только ваша банда задействована, остальные на хрена тут? Никто не знает.

– Ладно тебе, тезка, – Китаец в роли миротворца выглядит нелепо, – дня два, отойдет, а мы прикроем, лады?

– Да идите вы...

Взводный вздыхает и продолжает:

– Давно мы в волейбол не гоняли парни, давай взвод на взвод. Через полчаса за палатками между двух столбов натянута сетка.

Турыгин с мячом и мы все возле площадки. Игра расслабляет и уже отходит все, и горы и трупы, и вся грязь, хочется забыть все то, в чем по горло каждый день.

– А где Генчик? – спрашивает меня ТТ, он же – Бойко Анатолий Анатольевич.

– А на хрена он тебе?

– Он обещал стакан от минометной мины притаранить, домой скоро.

– Толь, тезка, тебе уже тридцать, а ты как ребенок чес слово, – говорю ему, – нахуя тебе эта хрень? А Генчик с Фарадой в ночь умотал.

Многим нашим конкретно делать было нечего и поэтому сходили с ума по своему. НИС набирал в свою команду прежде всего неженатых, отчаянных и еще по непонятным нам критериям. Погоняв мяч с полчаса, отхожу покурить в сторону. Князь с видом побитой собаки крутится рядом.

– Лис, как там Костик? Может ему надо чего?

– Че-че, – злюсь я, – водки надо ему, вышибить эту хрень.

– Будет, сейчас будет, – Юрик стартует в сторону палаток.

– Парни, стоп! – подходит техник роты прапорщик Левченко, – Генка погиб.

И все, время остановилось, каждый пытался переварить то, что сейчас услышал.

– Как? – выдыхаем вместе с Фролом.

– Не знаю, с ЦБУ звонили, сказали, что погиб, Фарада цел, а Генка погиб.

Техник не в курсе, поэтому ротный приводит себя в порядок и под нашими взглядами отправляется в ЦБУ.

Стоим, молчим. Теперь жестокая, но все-таки воспринимаемая нами как игра война, повернулась к нам другим лицом. Каждый думает о своем. Юрка молча разливает водку, принесенную для Шеставина. Выпиваем также в молчании. Ждем. В ожидании проходит около часа. Наконец-то появляется Турыгин, садится на один из пустых ящиков:

– Значит так, парни, на блокпосту в зеленке снайпер. Достал, решили его хлопнуть, приготовили метелку, и вперед, пехота обещала растяжки снять, но хрен там. Генка спиной шел, провод разматывал, и под ногой «эфка» щелкнула, только заорать и успел. Вот и все.

Женька молча протягивает ротному кружку. Тот выпивает, минуту молчит и продолжает

– Метелки в принципе для имитации используют, а тут, то ли дурь, то ли хрен знает что, короче угробили парня.

Так и сидим молча. Я до конца осознаю, что тут, на войне – я один, и надеяться только на себя, веры нет никому и ни в чем. Смотрю на наших и вижу, что они как будто повзрослели лет на десять. У всех в глазах не тоска, нет, а именно тот боевой пофигизм, с которым наши деды в свое время на танки с гранатой шли. Будто перешли невидимую черту, которая делит жизнь на «до» и «после».

Откуда-то подходит НИС:

– Мужики, что случилось – то случилось, – начал он, – завтра на выезд, туда же. Доктор, ты подготовь все, Фролов и Шамшин в группе, ротный на хозяйстве. Усов, подготовьте БТР к работе. Все, всем спать.

Фарада стреляет у меня сигарету и таким же уверенным шагом уходит к себе

Глава 10

Темнело, заходим в палатку, стараясь не смотреть на спальник Кортнева. Казалось, что хозяин вышел ненадолго покурить, и вот-вот вернется.

В молчании укладываемся спать. С утра началась ерунда, НИС на ЦБУ, ротный и два взводных – кто где. Шеставин отпаивался водой где-то у штабных, а Усов торчал у связистов. Мы же от безделья слонялись из угла в угол. Ближе к обеду было объявлено построение на ЦБУ. Прощались с Генкой. Что говорил комбриг никто не слушал, мы смотрели на лежащего на носилках Генку и каждый прощался. Не будет, Гена, больше подрывов и мин. Не будет теплой водки и посиделок до утра, ничего не будет, Гена, прости, ничего не будет. Есть мы, и есть ты, и никто ни в чем не виноват. Слова о том, что помним и отомстим – это слова, а в ночь пойдет не этот подполковник с опухшим от водки лицом, а пойдет группа из твоих друзей. Слышишь, Генчик, из твоих друзей, которым плевать на приказы и распоряжение комбрига. Саперы не остаются в долгу, мы платим по счетам. Проходим в колонну по одному мимо тебя. Прощай, Гена Кортнев, до встречи, брат!

В расположении начинаем готовиться к ночной вылазке. С молчаливого согласия офицеров, вскрываются ящики с МОНками и ПМН.

– Погнали, парни! – ротный дает команду и мы мчим в сторону блокпоста, где погиб Генка. Не доезжая, притормаживаем, и на ходу спрыгиваем в кусты. Я, Фрол, Китаец и Эдик растворяемся в зеленке. Первую лежку снайпера, вернее наблюдателя, находит Эдик. Аккуратно минируем и отходим. В это время Женька щедро минирует кусты, используя вместо проволоки тонкие ветки кустов. Это проверенный временем способ, когда начнется действие, чехи ломанутся через кусты и тут им не повезет. Найденные еще две лежки также щедро удобряем ПМН.

– Все, к нашим! – говорит Фрол и мы, как тени, исчезаем в лесу. Через полчаса мы на месте, командир блокпоста, как привязанный, ходит за НИСом, готовый выполнить любой приказ. Пехота молчит и не отвечивает. Фрол выдергивает из палатки знакомого нам уже Кузю.

– Что, сука, мозги пропил, пидор?! – удар по лицу, – Тебя что просили?! – второй удар, – Хуй забил?! А к матери его кто поедет?! – удар головой опрокидывает Кузю на землю.

– Тварь ты, а не зёма, – плюется Фрол.

Пехота все видит, но не вмешивается, так понимает – стоит дернуться и все выйдет из под контроля.

– Уберите козлов своих на хрен, это наше дело! – цедит ротный пехотному старлею. И поворачивается к Фараде, – У нас все готово, партию на фортепьяно предоставляю старшине Фролову.

В окопе уже стоит аккумулятор и к нему подведены провода. Это только кажется, что это беспорядочный пучок проводов. Для каждого из нас это читаемо, как отчет наш. Для пушного эффекта берем мухи и агидели, мне передали шмель, который нам подарили огнеметчики.

– Все готово, все по местам! – докладывает Усов нашему НИСу.

– Отлично, ждем. При втором подрыве начинаем! – отдает команду Стрижков.

Тянутся минуты, темнеет быстро, пехота затихла, скорее угадываю, чем вижу, как Китаец поправляет муху.

– Женька, – шепчу ему, – как думаешь, придут?

– А то, они же, бляди, просчитывают все, и сто пудов будут. Жалко Генку, только недавно пили, он в отпуск хотел.

– Ничего, брат, – успокаиваю его, – будет и на нашей улице праздник, опрокинется машина с пряниками.

Время тянется, ждем. В отличии от нас нохчи имеют отличное вооружение и технику, но у нас есть наша русская наглость, подписанная злостью. Да и коллектив против них сегодня не тот. Не пехота, не сопливые пацаны – срочники, а контрактники, в недавнем прошлом гопники и урки, так что, как говорит Китаец, будем посмотреть.

Вспышка взрыва и грохот заставляет вздрогнуть, это сколько не жди – все равно неожиданно. С небольшим интервалом второй взрыв, и протяжный от боли вой.

– Начали, господа!!! – Это Фрол орет из окопа и начинает работать, серия взрывов сливается в гул.

– Давай, парни, я все! – продолжает орать Коля,

Все, метелка отыгралась, наш выход. Встаю на колено, шмель тяжелая штука, но по мощи стоит того неудобства. Еще по сумраку определил цель и сейчас бью по памяти. Огненный шар уходит, красиво отсвечивая в ночи. Рядом слышу хлопки мух и агиделей, и как завершающий аккорд – заработал КПВТ. Через пару минут все кончилось, азарта нет, есть только удовлетворение от работы и не более.

– Прости, Генка, это все что мы можем.... – шепчу я и иду в полный рост к нашим. На откинута боковом трапе БТРа уже стояли банки с тушенкой, водка и кружки.

– Давай, мужики! – Мишаня разливает водку по кружкам, выпиваем не чокаясь. Слова излишни, все понятно и так. Поминаем молча, в воздухе стоит запах тротила, гари, и еще чего то неуловимого. Как говорил Генка – так пахнет смерть, но с ним уже не поспоришь. Рядом метрах в ста находится место последнего подрыва, как пехота не сняла растяжку возле своих позиций не понятно. Ну да хрен с ними, с пехотой, это потом... Они будут рассказывать о героизме и подвигах, а сейчас их не видно и не слышно. Скоро нам передислоцироваться, поэтому тут мы уже вряд ли будем.

– Все, домой! – командует Фарада.

– Домой, так домой, – вторит Эдик.

Мы упаковываемся и через час уже в палатках. Внутри них, на ящиках, стоит весь поминальный набор. Пьем, скорее потому, что надо, у нас никто ничего не спрашивает, да и не нужно это, все ясно как белый день. У всех, почему-то, откуда-то появляется злость именно на нашего подполковника Стрижкова, вспоминается все: и боевые листки, и покос травы, и самодурство в виде подшивания воротничков, но главное это гибель Гены Кортнева.

– Я с ним не поеду никуда, пошел он... – шипит Фрол, – я рапорт пишу, либо я, либо он.

За пять минут достается бумага, и пишутся рапорты на увольнение, в количестве двадцати двух штук.

– Лис, иди к ротному, неси макулатуру, – просит Китаец, – а впрочем, пошли вместе.

Идем решительным шагом к кунгу ротного и без стука заходим. Турыгин сидит за столом с Усовым, между ними бутылка водки.

– Что надо? – спрашивает мрачный ротный.

– Ни хрена и лука мешок, – в тон отвечаю ему, – вот держите! Мы на дембель, если Фараду не уберут! – и кладу ему на колени пачку исписанных листов.

– Это что за хрень? – интересуется Усов, – хотя, впрочем, понятно. Бегут?

– Все бегут, и «Динамо» бежит. – вздыхает Китаец.

– Заебал этот Фарада, – начинаю я и уже валю все в кучу, и траву, и построения, и личные обиды. Все, в общем.

Офицеры слушают и не перебивают.

– Короче, парни, рапорты я отнесу замполиту, а там хрен знает, как вывезет, – подводит итог ротный, – вы идите пока, идите.

– Ну а дальше? спрашиваю я у Женьки.

– Прикинь, ничего. Просто ничего. Либо домой либо служить. У нас выбора-то особо нет. Меня вообще менты дома ждут. Хотя, по барабану, если честно.

– Ну и ладно. Будем посмотреть, – отвечаю ему и мы заходим в палатку. Там тишина, кто спит, кто просто валяется на нарах в прострации.

– Ну как? – это Эдик подает голос.

– Политрук решит, – отвечаю ему.

– И то хлеб, – Эдик продолжает рассматривать картинки в замусоленном журнале «СПИД-инфо». Часа через два резкий голос командира роты выводит нас из летаргии:

– Рота строится!!!

«Началось...» – наверное, думал каждый, выходя на построение.

Замполит и с ним еще какой-то капитан стоят в центре импровизированного плаца.

– Товарищ гвардии подполковник, инженерно-саперная рота... – начинает доклад ротный.

– Вольно! – обрывает замполит, – Мужики, давайте присядем. Разговор, видимо, долгий у нас будет...

Глава 11

Садимся на скамейки, слепленные на скорую руку из латунных гильз САУ и досок.

– Давай, начни ты, – обращается почему-то ко мне подполковник.

Встаю и пытаюсь вкратце объяснить суть. В процессе я вдруг понимаю всю нелепость ситуации, и концовка речи у меня получается скомканная. Замполит, как говорится, просек фишку, смотрит на меня и чуть заметно улыбается уголками рта.

– Кто еще что сказать хочет? – спрашивает замполит.

Все пожимают плечами, мол, и так все ясно.

– Ну, вот и славно. Вы, мужики, честно скажу – херню затеяли. С НИСом вашим я поговорю, конечно, но вот вопрос. Уберем мы его, а кого ставить? Тем более, парни, приедет хуйло и что? Кому легче от этого? Со Стрижковым мы поговорим, обороты он сбавит, а теперь давайте о другом. Скоро под Шали, там другая песня, рядом Сержень Юрт, и дорога на Ведено, так что давайте думать вместе.

И понеслась. Спор разгорался до мата и обид, и уже НИС, ротный и взводный Костя, тоже, до хрипоты, доказывали свою точку зрения.

– Планерка, блин, – проговорил Фрол, – как на заводе в день получки.

– Че ты хочешь, Фроладзе? – отвечаю ему, – Мы же мирные люди, прости Господи.

– Значит так, – подводит итог замполит, – на рекогносцировку завтра сами скатаетесь, а остальное поверхностно и муть сплошная. Если что, знаете, как меня найти.

Офицеры, попрощавшись, уходят на ЦБУ. Мы, выпустив пар, чувствуем себя сопляками, и молча поглядываем друг на друга. Я понимаю, что кто-то должен быть первым и по ходу – это счастье привалило мне.

– Товарищ гвардии подполковник, вы уж простите нас, мы не со зла, – говорю ему, а сам понимаю, что сейчас решается гораздо больше, чем просто служба или личные отношения. На кону стоит будущее нашего подразделения.

– Ладно, проехали, – НИС облегченно выдыхает, – ты, доктор, пацанов бери и завтра вкусный выезд. Стрижков улыбается.

– Эх, дядя Слава, кто ж знал, что ты лучший из саперов, кого я буду знать, и кто будет моим ангелом-хранителем всю мою жизнь. А сейчас мы еще живы и плевать на споры и готовность поубивать друг друга. Сегодня мы живы. И поэтому – шире грязь дорога едет.

– Есть, – отвечаю ему, душе легко, груз последних дней свалился в тартарары. «Прости, Генка но мы живы, а тебе, брат, светлая память. Нам работа и возможность еще пожить.

– Ну что, господа, прощальная гастроль! – оповещает нас Фрол, – берем все и делаем всех, – он в приподнятом настроении и рад, реально рад выезду.

– Все готово Колюня, не кипишуй братка, – вторю ему, – нищему одеться – только подпоясаться.

БТР уже на всех парах у палатки, Мишка с Лехой лениво переругиваются о чем-то своем.

– Не ссы, Цукан, – говорит Женька одному из наших срочников, – ты на базе, Князю поможешь.

– Лис хорошо, что у нас дети есть, есть кому службу тащить.

– Конечно Женек, – отвечаю ему, – мы-то древней мамонтов, мне 22 тебе 23, мы жизнь прожили.

– А то! – хохочет Китаец.

Собрались быстро и рванули. Проскочив последние блокпосты, мы ушли в свободный поиск. Автоматы сняты с предохранителей, до рези обостренно зрение и слух, еще минут двадцать мы возле бетонного арыка, внаглую, при свете фар, закладываем заряд.

– Махмуд, поджигай, – говорю Костику Шеставину.

– Уебываем! – кричу пацанам. За секунду все на броне и мчим вдоль арыка. Через пару минут бахнуло и арык прекратил свое существование.

– Стоп, ребяташки! – командует ротный, – Тут дорога на Атаги, там местный блокпост самообороны. Предлагаю сыграть в «Повезет – не повезет».

– А давай! – говорю ему и ощущение азарта перехлестывает и меня и парней через край.

Веселый, злой азарт – опасная штука. Это хуже наркоты, хуже водки, но ты бессилен против него. Он побеждает и именно он толкает на безумные подвиги.

Прыгаем с брони, автоматы наготове. Фрол и Эдик пошли первыми. У них задача простая – долбануть «мухами» по позициям местных и уйти с точки. Мишаня тихонько газует. Слышно, как Лелик напевает внутри и перезаряжает ленты. Я и Китаец готовимся минировать дорогу, Стрижков и ротный курят и раскладывают ВОГи.

– Готовы? – спрашивает НИС.

– Давай, командир, – вторит ему Женька.

– Начали!!! – НИС выпускает в сторону блокпоста нохчей две осветительные ракеты. С шипением они пропадают среди бетонных блоков у дороги, и тут же с другой стороны в вагончик, где сидели самообороновцы, словно иглы врезаются выстрелы гранатометов.

– Держи, суки! – ору я и начинаю поливать короткими очередями по силуэтам, мечущимся на фоне горящего вагончика.

В поселке началось движение и к посту сразу подъехали две «нивы». Зря, ибо Мишаня ждал, ох как ждал этого момента. БТР выскочил на дорогу, как черт из табакерки, КПВТ лениво выплевывает очереди в сторону автомобилей и они вспыхивают словно факелы. Дополняют картину длинные очереди ПКТ и наши офицеры щедро, накидывая на блокпост подарки из подствольника. На все про все уходит не более десяти минут, броня отходит задним ходом, на ней уже Эдик и Фрол, мы с китайцем в темпе минируем дорогу.

– Все на месте? – это ротный врубил командира.

– Уходим, парни! – торопит нас Турыгин, – Сейчас начнется кардебалет!

– Не бзди, командир. Лис, у тебя все? – Китаец взводит ПМНки и даже толком не маскирует.

– Все, Женька, уходим! Мы пешком, командир! – говорю ротному.

У того пропал дар речи. Он просто смотрит, выпучив глаза.

– Ехай, давай, я с ними! – это Коля подталкивает ротного к броне.

– Что по плану? – спрашивает он у меня.

– Сейчас свалят и объясню.

Жду, когда наш БТР в клубах пыли исчезнет за поворотом.

– Так, парни, ждем их тут, минуту на все про все и уходим в сторону, но не в сторону части, там нас перехватить могут, идем от обратного.

– Мама моя, мы не дебилы, мы – долбоебы, – констатирует Коля.

– На том и стоим, – Женька уже выбрал нормальную позицию и весь в ожидании.

– Угораздило же меня связаться с вами, сам дебилом стану. Говорила же мама: «Учись, сынок, дворником станешь...» – ворчит Фрол, при этом раскладывает гранаты перед собой.

– Ша, хлопцы, к нам гости, – подал голос Китаец.

По дороге, по направлению к нам, быстро едет ГАЗон, в кузове которого человек с десять горячих горцев, как елки увешенные оружием.

– Лис, бери кабину, я отсеку тех, кто за ними. Фрол кузов возьмишь?

– А то! – скалится Коля, подбрасывая на ладони Ф-1.

ГАЗон, пыля, приближается к нам и словно врезается в невидимую стену. Из под колес взлетает облако пыли и огня, машину разворачивает и тут же из под заднего колеса такой же по силе взрыв. Фугас небольшой, но действенный. ПМН, усиленная тремя шашками по четы-

реста граммов тротила, отрезвляет пыль горячих парней. Бью прицельно по кабине короткими. Даже не видя результат понимаю, что попал.

– Атас, парни!! – с криком Фрол, как на полигоне, навесом бросает в кузов ГАЗона подряд две «эфки». Два взрыва слились в один.

Глава 12

– Выход!!! – орёт, как резанный, Женька, и мы, на ходу стреляя по телам, бежим к машине. Разбирать, кто мёртв, а кто жив времени нет, поэтому патроны не жалеем. Не сговариваясь, шмонаем трупы – документов нет, хотя у пары нашли немного денег в карманах, да Николай разжился парой АПС. Тем временем начинаем минировать тела.

– Лис, смотри, – кричит Фрол, – твой земля.

– С какого? – опешил я, – вечно у тебя, Колюня, байда какая-то.

– Не, ну на хуй, Толян, вот, смотри, – и Фрол протягивает мне студенческий билет какого-то «вахи». Читаю: Тверской Медицинский Институт. Нормально, говорю, парнишка в академическом отпуске, Гиппократ хренов.

– Зачет сдал ректору Лису, – ржёт Фрол. – Иди ты! У тебя шелковая нитка есть? – спрашиваю у Колька.

– Держи. – он протягивает нитку, намотанную на патрон. Выбираю труп посимпатичней, со всей дури пропарываю живот ножом, стараясь не испачкать руки, хотя кровь и не идёт, но всё равно запах есть. Беру «эфку», снимаю кольцо, а сам запал обматываю ниткой, витков семь-восемь, и запалом вперед вталкиваю в тело боевика. С чавканьем она погружается в кишки, из раны выплескивается кроваво-синеватая слизь. Дело сделано, надо уходить, в темпе собираемся на обочине.

– Парни, прём через зеленку. Эдик, ты в замке, Лис – в головном, всё уходим, – это Женёк распределил нашу походную колонну.

Идём по лесополосе. Я, как первый номер, веду группу вдоль троп и дорог, ибо вероятность подорваться на тропе вырастает стократно.

– На хрена мне это надо, – ворчит Николая, – я что вам, разведос или рейнджер?! Конечно, сапёр тихая профессия. Ага, хотел бы я тогда посмотреть на шумную. Да на хую я видел всё это, и вообще, Фарада чё, из нас ГРУшников сделать хочет, а, Лис?

– Коля, заткнись, – отвечаю ему, – тебе ли не по хуй?

– Так-то да, но Толян, слева мины, зуб даю.

– С какого? – опешил я.

– Да мы с Эдькой катались неделю назад, помнишь? Ещё бухие приехали, вот и понаватыкали.

– А по формулярам что? – спрашиваю я, понимая всю глупость вопроса.

– Ты дебил? Кому он на хуй нужен, формуляр твой? Главное, чтоб красиво, в рамочке да фломастерами, а кто проверять-то будет.

– Логично, – соглашаюсь я. Через час блужданий вышли в расположение пехоты. Боевое охранение уже ждало нас, а вдалеке мы уже видели знакомый БТР и к нам, скалясь своей щербатой улыбкой, шёл Мишка.

– Целы? А НИСа (Начальник Инженерной Службы) и ротного на ЦБУ вызвали, ебать будут, походу. – сообщает он нам новость.

– Началось в колхозе утро, – резюмирует Китаец, – на хода, парни, и домой, подмести надо.

Надо так надо. Мы, как по команде, грузимся на броню, Мишка заводит БТР и мы начинаем разворачиваться.

– Стой! Стой, кому говорят! – пехотный старлей, как чёрт из табакерки, появляется возле нас, – вы задержаны по приказу комбата...

– Иди на хуй, лейтенант. Ходу, Миша, ходу! – орёт Китаец.

Срываемся с места и набираем ход. Впереди импровизированный шлагбаум и грибок, возле которого два тела в касках и бронезиленках что-то машут руками. Мишаня всё знает и без нас, поэтому шлагбаум разлетается в щепки.

Гоним на полном ходу, минуя расположение рембата и БМО. При въезде на ЦБУ стоит грибок с бойцами, парни уже в курсе, и поэтому шлагбаум поднят. На пяточке, где кунги комбрига и начштаба, уже стоят две «коробки» разведки и клубный БТР с «матюгальником» на броне. Лихо подкатываем и прыгиваем с брони. – Здорово, парни! – Кричит уже знакомый нам Киса, – опять рамсить приехали? – Типа того, – отвечаю ему.

Мы обнимаемся, как старые друзья, парни тоже здороваются.

– Ваш-то где? – интересуюсь я у Кисы.

– С Фарадой у начштаба качают, – Валентин явно угорает от ситуации, – слышь, Толян, давай вместе кататься, а то хрен поймёшь, что вы там чудите, – Давай, – соглашаюсь я, и в это время из кунга выходят наши офицеры с Косаревым и начальником штаба.

– Вы какого хрена здесь? Я где сказал быть, долбоёбы? – начинает разнос НИС, а по глазам видно, что доволен, – кто у пехоты шлагбаум разнёс? Уволю нахуй!

– Да ладно, дядя Слава, – начинает Фрол.

– Что-что!?! – орёт Стрижков, – ты охуел, боец, какой я тебе дядя Слава, племянник хуев.

Разведчики хохочут уже в полный голос. Начальник штаба, еле сдерживая смех, прика- зывает:

– Всё, сапёры на базу и больше никаких выездов, ждать команды, всем всё понятно?

– Яволь, однако, – рапортует Китаец.

– Боец, ты охуел? – начштаба опешил от такого ответа.

– Никак нет, я уху не ел, всё больше тушенку, – Китаец по-уставному ест глазами нач- штаба.

– Всё, по коням, – командует НИС, – до встречи парни, – это уже разведке, – увидимся.

До роты доехали быстро и тут же, по приезду, НИС вызвал офицеров, а также меня и Китайца.

– В общем так, мужики, похождения наши надо забыть, тех, кто ненадёжен надо в отпуск отправлять, доктор, займись этим вопросом, ротному скажешь. Усов, проверьте документы, технику скажи, по ГСМ пусть подobaет. Так, Евгений, вам пломбы на прицепах и трофейную херню перепродать, перепрятать, мне похуй, но чтоб её не было, пока, по крайней мере, шмонать будут. Но ничё, отобьемся, если особисты свои – то добазаримся. А вот если с Москвы – то пизда.

Мы стояли и переваривали информацию, думая каждый о своём. Я лишь думал, куда деть трофейные «стечкины» и может ли кто стукануть об их наличии. Выходило, что часть людей, кто был в теме, нуждались в отпуске.

– Всё, давай работать, мужики, – НИС напоследок вздыхает и выдаёт очередной перл, – дураков иметь – только член тупить, значит, с Богом, парни. Выходим и сразу приступаем к выполнению.

Я стою с Турыгиным и на пальцах объясняю ему:

– Тащ капитан, отправляем Бойко, это однозначно, и электрика нашего, сто пудов, пусть едут.

– А Князь что? – ротный не понимает, по-видимому, ничего.

– Знаете, товарищ капитан, – начинаю сначала я, а потом вдруг мелькает мысль: «какого хрена», и я объясняю доходчиво:

– Вася, не тупи, просто сделай хоть раз то, о чём тебя просят, хорошо?

– Охренеть, – качает головой ротный, – кто бы сказал, что я, ОФИЦЕР, буду слушать приказы СОЛДАТА, я бы ни в жизнь не поверил...

– Это реалии, Вася, и нам с тобой делать нечего, а хуями мериться дома будем, – успокаиваю его.

К вечеру у всех всё готово и в расположении царит идиллия. Всё подметено, у грибка Сильвер в бронежилете, висят боевые листки и газета «Красная звезда», среди солдат ласково называемая «пиздоболочкой», и это по сути и по содержанию верно. Оружие в пирамиде, пирамида в палатке, палатка в окружении колючей проволоки, и Елисей с суровым видом с автоматом наперевес несёт службу. В общем, ждём. Вскоре на горизонте замаячил пиздец, в лице знакомого начштаба и трёх особистов. Один, судя по потрёпанной форме, наш, а двое – явно не местные.

– Рота, строиться! – командует ротный.

Мы построились напротив кунгов, после рапорта ротного команда: «Построились повзводно». С недоумением смотрим друг на друга, ибо хрен знает кто в каком взводе, ну ладно, примерно рассортировались, и тут засада:

– Построились по отделениям, командиры отделений ко мне, – командует начштаба.

Пауза – МХАТ отдыхает. Здесь никто не помнит, кто в каком взводе, а тут...

– Понятно, – произносит один из особистов, – будем проверять, начнём с личного состава, а именно с сержантов. Вот вы, например, кто по должности? Это он Фролу.

– Ну, сапёр, – отвечает Коля.

– А без ну можно, – поправляет особист.

– Можно, – вздыхает Фрол.

– Ответьте сейчас честно, перед строем боевых товарищей, вы участвовали в диверсиях против мирных жителей в период перемирия? Фрол завис, с любопытством разглядывая особиста, и выдает через пару минут:

– А?

Строй рвануло от хохота, позади особистов начштаба еле сдерживал смех и показывал нам кулак.

– Значит так, все под следствием, с каждого берём подписку о невыезде, со всеми вытекающими, как говорится, последствиями. А сейчас разойтись, из расположения не выходить. Товарищи офицеры, теперь поговорим с вами.

Особист повернулся к нам спиной и услышал:

– Сказочный долбоёб, – судя по голосу, сказал Китаец.

– Завалить козла, – это уже добрый Эдик. —

Сам сдохнет, сука, – подводит итог техник Левченко.

Особисты, начштаба и наши офицеры идут в сторону кунга НИСа, и тут вылетает наша ротная дворняга и, кривляясь, виляя хвостом, подбегает к особисту, и «без разговора», со всей силы кусает его за ногу. Особист заорал и подпрыгнул как минимум на полметра, второй схватился за кобуру, но тут же получил по руке от Фарады.

– Не тронь собаку, сука, – НИС был явно в бешенстве, – тебе справиться не с кем, гандон?

– Что вы позволяете, подполковник, – визжало существо в погонах, – я возбужу дело...

– Бабу возбуждать свою будешь, – отрезал Фарада, – пошли в кунг, господа, с презрением продолжил НИС.

Тем временем Сильва, виляя хвостом, пряталась за нашими спинами и понимала всем своим собачьим существом, что за строем этих грубых и порой жестоких людей она в полной безопасности.

– Пошли пожрём, что ли, – выдал свежую мысль Фрол, и мы, не сговариваясь, потопали в сторону наших палаток.

Разговаривать не хотелось, ощущение мерзости происходящего и чувство тупика не то чтобы давило, но создавало дискомфорт. Молча глотали чифир, все понимали, что вряд ли стоит ожидать чего-то хорошего после визита особистов.

- Может, к «чехам» податься? – Разряжает тишину Китаец, – варианты есть.
- Запасных яиц нет, – говорю ему, – это херня, Женя, ты не городи, и так тоска.
- Не скажи, Толян, всё может быть, а хороший сапёр, он и в Гондурасе сапёр.
- Так-то оно так, а дальше что? – спрашиваю у Женька.

– А ни хуя, Толян, – у Женьки, по-видимому, накопело, – ты думаешь, это всё? Через пару лет нас забудут, и будут другие войны. А народ – быдло, пипл хавает всё, и те, с кем сейчас воюем, будут править, а мы либо под забором сдохнем, либо будем кланчить у ебучего государства копейки и выживать.

– А как жить-то, Женька? – я слегка ошарашен.

– А никак, Толян. Пойми, нужно просто жить, назло всем блядям, надо – так и по головам идти. У нас нет другого варианта, пойми, нет ничего. Ни страны, ни народа, а есть ты, я, Фрол и наши парни, остальное хуйня, поверь, и родина – это товар, дело в цене и всё, брат, все гораздо проще.

– Знаешь, Жень, а ведь ты прав, – я закуриваю и понимаю, что в действительности всё ещё хуже, – я и не заморачиваюсь, брат, значит, просто живём.

– Не бзди, будет хуже, – успокаивает Китаец, – только ты пойми, Толян, друзья-то мы тут, ибо у нас общая цель – выжить и заработать, а на патриотов и на родину мне насрать, вот и всё.

– А я на хую всё видел, вот и всё, – вставляет свою лепту в разговор Фрол.

Возникла пауза, говорить-то было нечего, всё было ясно и понятно, накатывала тихая, до мурашек по коже, злость. И не к кому-то именно, а просто злость, та злость, на которой мы выживали назло и вопреки.

– А знаете, что самое блядское в этой истории, парни? – продолжил вдруг Женька, – что потом будут писать книги, рассказывать детям в школе про героизм, патриотизм и прочую хрень, а в книгах будут восторгаться красотами Кавказа, вести философские разговоры, и это будут хавать. Поймите, парни, будут, и самое пидорастическое то, что авторы будут верить тому, что напиздели. Лис, ты скажи, у нас тут что, всё с филологическим образованием? Нихуя и луку мешок. Ещё песни будут писать, слезу у мокрощелок вышибать, военный шансон, блядь. Знаете, парни, я когда вижу «чеха», я валю его к ебням, а не веду с ним споры о том, кто куда пришел и почему я его должен ёбнуть. Заебало всё, и эти ещё приехали хуеплётые, вот они и напишут потом правду о Чечне. – Китаец щелчком выбил из пачки «кэмела» сигарету, – всё проще. И будет ещё проще. И мне похуй за кого воевать, я сам по себе, и вы такие же, только врать не надо и всё срастётся. Мы сидели и курили, шурились на вечернее солнце и молчали. Самое гадское то, что Женька прав, стопроцентно прав, и что бы ни было, мы уже были заражены тем вирусом, что отличает нас от остальных людей. Для нас война – это работа, и отношение к ней как к работе. Мы наёмники, самое страшное, что может быть для нас, это прекращение этой работы, а это в наши планы не входит, поэтому сидим и ждём.

А утром началось великое переселение народов. Как цыгане, со всем скарбом, через матюги, мы начали передислокацию под Шали. Невольно в голову лезли сравнения с Ордой, Македонским и прочих героях прошлого. Ничего не меняется, никогда наша армия не бывает готова, и в этом есть какой-то сакральный смысл

Глава 13

По приезде на новое место, в восторге от которого никто не был – чистое поле, вдали виднеется башнеподобное строение, как выяснилось, это одна из построек птицефермы, в паре километров от нас шалинская учебка, ныне разгромленная, причём не нами, а местными жителями. Наша сапёрная рота и тут оказалась впереди планеты всей. Единственное подразделение, у которого в наличии есть кран, экскаватор, две ПЗМ, ну и так, по мелочи. Технари нам уже подготовили все ямы и капониры, так что мы взяли лопаты в руки и за пару часов облагородили всю территорию. Палатки поставили быстро, сверху торчали лишь крыши. Единственное, так это что столовая стояла на ровном месте. Мелочи номинальной величины, типа оружейки, грибков и прочего, решили ставить в процессе. В общем, «велком», пацаны. Вечером, в меру уставшие, мы сидели и курили в столовой

– Массети забрали на ЦБУ, бляди, – выдохнул Фрол, – баню ставить надо, и вообще, место – говно. На курятнике СОБРы вроде.

– Не ной, – говорит Китаец, – дальше будем посмотреть, а так, надо покататься, осмотреться.

Я молчу, усталость дня потихоньку отступает и хочется тишины, но вместо этого, как всегда, приходит раздражение на всех и вся.

Технари уже обустроили «дальняк», Сильвер с Цуканом потопали с бачками к танкистам. В общем, вечер.

– Завтра отдыхаем, – говорит Турыгин, незаметно подходя сзади, – а там видно будет, вон соседи наши, артелы, мать их, заебут теперь снарядами.

– Разберёмся, – лениво отвечаю ему, ибо утилизация снарядов от САУ – самая неблагодарная работа.

Эдик в палатке мучает транзистор, кроме маяка толком ничего нет, иногда встречаются радиостанции Грозного, но завгаевская хрень никому не интересна. Олег Карнаухов тянет кабеля от «дырчика».

– Да будет свет! – кричит ему вслед Фрол, но тот лишь отмахивается. Что-то делать лень, поэтому идём спать.

Утром проснулись все – Мишаня заводил бензопилу «Урал» прямо в палатке.

– Иди нахуй, Мишаня, – ору ему из под спальника, – дай поспать, придурок!

– Пристрелю, сука, – вторит Эдик.

Миша скалится, довольный, как кот, и выдаёт:

– Харэ спать, братва, дров хуй, сигарет хуй и вообще, всё хуй. И мы в жопе, выездов нет, надо думать.

Он прав, спи не спи, а решать что-то надо. Встаём – делать-то нечего, кидаю Мишке пашку тротила, тот подхватывает её и молча выходит из палатки. Через минуту завоняло так, что Китаец заорал:

– Миша, блядь, ты не мог подальше чифир ваш ебучий варить, заебали уже!

– Ладно, Женька, хорош, – успокаиваю его, сейчас готово будет.

Довольный Мишка заходит в палатку, ставит котелок с чифиром на печку и молча достаёт кружки. Так же молча разливает и пускает по кругу сразу три кругаля.

– Где Князь? – спрашиваю у парней после того, как допили чай.

– Шакалит где-то, – Лёха Черных в курсе всегда, – на БМО опять уебал, у меня сигарет всего пачка осталась, а комбриг, сука, выезды запретил. Лис пиздуй к Фараде, ты ж кент его, придумайте что-нибудь.

– Схожу, – отвечаю ему, а сам кручу в голове все варианты его ответов.

Вариантов немного, но решать надо, поэтому просто собираюсь и топаю до кунга.

– Привет, тебе чего? – Фарада встречает сразу вопросом.

– Как жить-то будем? Последний хуй без соли доедаем, – начинаю я, НИС машет рукой и с досадой прерывает:

– Знаю, всё знаю, есть наметки, сейчас прокормят технари, всем же, блядь, копать надо, у меня очередь на ПЗМ и экскаватор, а там обстановка сменится и будем решать.

– Значит, выездов не будет, – подвожу итог.

– Не ссы, всё будет, вы с Китайцем подготовьте всё на всякий случай.

– Лады, – отвечаю ему и отхожу в сторону. А что ещё сказать, всё и так понятно. Разговаривать не о чем, всё, что было, осталось там, где-то там. Мы никогда не лезли друг другу в душу и свою никому не изливали, зачем, от этого не холодно ни жарко. Пока я бродил, ничего особенного не случилось, кроме как Князя с литром водки.

– Привет, Юрий, кого обул? – Приветствую я Князя.

Князь кивает и продолжает прерванный мною монолог:

– Место нормальное, в Шали боевиков, как говна, в Сержень-юрте такая же хрень, под Шатоем двести сорок пьяный (двести сорок пятый полк), и никому ничего нахрен не надо, колонна до Ханкалы – вторник, четверг или понедельник и пятница. В общем, на сопровождении можно крутануться, а так – хер. Надо техника зарядить, а то он опизденел в край.

Кружки наполнены, тушёнка открыта, мы пьём за новоселье, мать его.

И тут подлетает Цуканов с глазами, выпученными от страха.

– Цукан, срать хочешь? – спрашиваю его.

– Там, там, комбат ейный приехал, сапёров ищет.

– Пусть Фараду ищет, – отмахиваюсь я, – дохуя таких на мою голову.

– Не, он именно сапёров ищет, ему офицеры не нужны, – Цуканов явно не понимает, что делать.

– Ладно, пусть сюда гребёт, – снизошел долго молчавший Фрол.

Через минут десять к нам подошёл обалдевший от нашего хамства подполковник и с первой минуты взял неверный тон:

– Встать!!! Вы охренели тут, это вам не зона, вы порядки свои знаете где устанавливать будете?

– Это кто? – лениво перебивает Фрол, обращаясь к нам.

– Хуй какой-то, а чё надо, не говорит, – Женька издевается, а полкан явно теряет дар речи.

– Тащ подполковник, вы скажите, чё надо, а орать не надо, хорошо? – говорю я этому представителю русского офицерства.

– Я вам приказываю: встать, и со мной в расположение батальона, бегом марш! – подполковника заносит и он не понимает, что перед ним не забитые срочники, а контрактники, и причем худшая её часть – наёмники, без родины и без флага, поэтому в сотни раз опаснее. Парни разглядывают комбата как экспонат в музее, с любопытством и одновременно с брезгливостью.

– Клинический случай, – выносит вердикт Фрол.

– Не лечится, – поддерживает его Китаец.

– Где командир, я вас спрашиваю? – беснуется комбат.

– Я ебу? – убивает ответом Фрол. Подпол красный, с выпученными глазами, осекается от такого, но более всего его поражает то, что в метрах десяти от нас Елисей разобрал МОН-50 и выковыривает из нее пластид, абсолютно никого не смущаясь.

– Что орём, парни, – подходит к нам голый по пояс Усов.

– Вы что-то хотели? – замечает наконец-то постороннего офицера взводный.

– Вы кто? Вы старший в этой банде? Что у вас тут такое?!

Подполковник просто кипит от ярости, Усов же спокоен, как и всегда.

– Живу я тут, и чего? А вы представьте, кто, что и с какой целью находитесь в расположении сапёрной роты?

Глава 14

Комбат явно находится в прединсультном состоянии, и это могло длиться вечно, если бы ситуацию не разрядил наш фарада.

– Полковник, прошу ко мне, и впредь прошу с моими подчиненными без моего ведома не общаться, – отчеканил Стрижков, и, развернувшись направился к своему кунгу. Комбату ничего не осталось, кроме как последовать за ним.

– Фарада-то откель тут нарисовался? – недоумевал Эдик, и было отчего, ибо по нашим подсчетам нис должен быть как минимум на цбу, как максимум хрен знает где, но только не в роте.

– На выезд, парни! – довольный Турыгин с автоматом уже на пальцах объяснял что-то черныху.

– Задолбала эта мабута, – ворчал Фрол, – опять им мины ставить надо, и причем квадратно-гнездовым способом. Дебилы...

– Ладно, скатаемся, – бормочет Китаец, – Лис, посмотри у нас там всё готово?

Быстро проверяю наши сумки из под монок,

– Тротил на броне, если не проебали, а так вроде всё, – докладываю Женьке, – можно ехать.

Через минуту на броне уже всей группой ждем ротного. Ротный же оживленно что-то обсуждает с комбатом, и, судя по всему, единого мнения нет. Наконец-то ротный уселся к нам.

– Едем сеять, парни, но ставить только сигналки, есть мысли?

– Есть, тащ капитан, – отвечаю ему, – пехота все равно сигналки попиздит, будем ставить с сюрпризами, объясню на месте, поехали.

– Смотри лис твой выход,

– Первый раз что ли? – отвечаю ему,

Тем временем бмп с рейнджерами пехоты наконец-то завелась, и, выплевывая клубы черного дыма пошла головной машиной нашей импровизированной колонны. Ехали не столько долго, сколько нудно и медленно. Проезжая мимо муравейника именуемого вторым батом, Китайца взяла злость.

– Всё, блядь, ещё вшей не хватало, они что, баню сварганить не могут, идиоты? – шипел он, глядя на немытую мабуту.

Идиоты относилось к группе пехотинцев, рывших капонир для бмп, ибо глубина его была такова, что стрелять можно было только по летящим целям, а если вдруг дождь...

– Всё, приехали, – скомандовал ротный, и мы попрыгали на землю. Впереди нас метрах в ста дорога на Шали, раздолбанные руины какого-то здания и вокруг пехота в бронезилетах.

– Значит так, парни, быстро минируем сигналками периметр и валим, Лис у тебя готово всё?

– Конечно готово, – отвечаю ему, и, осматриваясь ищу место для начала. У меня, Китайца, Елисея, Фрола булавки уже готовы, как и гранаты.

Ставлю сигналку, вокруг вышибного мува петлю из проволоки, второй конец которой к булавке, а булавка вместо кольца на гранате, вот и вся незамысловатая схема. При срабатывании пыж с мувом вылетают где-то на метр и выдергивают булавку. Час работы и минное, так сказать, поле, готово. Собираемся у БТР, ждем ротного.

Жалко пехоту, – выдает Фрол, – поподрывается нахрен.

– Пехоты у нас как грязи, – отвечаю ему, – а сигналок не густо, итак продаем нохам че попало.

- Лис, посмотри на зеленку, – шепчет Китаец.
- Смотрю и вижу отблески среди однородной зеленой массы
- Бликует однако, – говорю Женьке, – любопытно сукам.
- Эти снимать не пойдут, – убежденно говорит Женька, – а вот пешехота наша...
- Лан, поехали вон ротный чешет.

Глава 15

Однако до дома доехать не получилось, на дороге стояла БМП с чумазой пехотой явно по нашу душу. – Едем к мосту там блок усилить надо, – ротный плюется от злости, – усилители бядь.

На мосту через Аргун нас уже ждал знакомый экипаж танка на броне которого красовалась надпись хулиган.

– Здорово, одноразовые! – привычно приветствовал нас Боря, командир этого чуда.

– Бронелобым, салам! – отвечаю ему,

– Тебя опять сослали, брат? – даже не спрашиваю, а утверждаю я.

– Ага!

Боря доволен, как всегда, о нём ходили разные истории, но его вечные контры с начальством порождали новые байки и где правда где вымысел уже было не разобраться.

– Прикинь Толян, это байда полная! – начинает рассказывать Боря, – суки с БМО пайки отсосали налево, а нам хуйню впарить решили, братскую могилу, прикинь!

– Да уж, килька в томате не варик, сами не жрём, на хую я её видел, – поддакиваю ему, – а ты что?

– А мы кунг с этим хуйлом на трос и прокатили к ебням, Борян доволен как бобик, и нас сюда пока все утихнет.

– Молодец, а нас-то на кой хуй сюда? – это я уже спрашиваю у ротного.

– А убивать нас будут, часа через два, – ротный спокоен, и вправду что нервничать.

– Местные ультиматум кинули, – продолжил Турыгин, – им мост позарез нужен, а тут мы, и развилка наша, там, – машет в сторону гор ротный, – двести сорок пьяный, а Им мост позарез нужен, а тут мы ещё...

– Нормально, – выдает Китаец, – у меня в контракте нет такого пункта чтоб меня убили.

– Слышь Толян, я не согласен, я домой хочу к ментам родимым! – Фрол ржет и выдает короткую очередь в небо. Пехота вздрогнула и смотрит на нас как на идиотов.

– Всё, Боря, загоняй коробчёнку и погнали, – Турыгин берет всё в свои руки. Танк залезает на горку, чуть левее пехота ставит АГС, остальные распределились кто как. Ротный переставляет пулеметчиков, БТР на парах стоит в низине готовый выскочить в любую минуту.

Ждем. Мандраж сменяется злостью на чехов, и усталостью от всего происходящего.

– Козлы ебучие, – ворчит Фрол. – Сказали убивать будут и где, и где, я спрашиваю?

– Заткнись Коля, без тебя тошно, – обрывает его Женька.

– Во бля, глянь, – вдруг говорит Елисей до этого мирно типа дремавший, – парламентареры хуевы едут.

К мосту подъезжает нива с белым флагом.

– Это у них национальной транспорт походу, – выдает Елисей, – иди лис, а то ротный один, а пехота затупит как обычно.

Тт Спускаюсь вниз, у нивы стоят двое местных, один в костюме, брюки в носках, остроносые туфли. Алэн Делон местный, епта. Второй в камуфляже и с пистолетом. Отмечаю про себя что у него АПС, и еще двое в машине, краем глаза вижу как Фрол и Китаец меняют позицию. Подходим с ротным к этим джигитам, и они начинают извечную песню. «Слушай, командир, убирай пацанов, мы не хотим крови, ты пойми...» И тут всё пошло не так, как им хотелось.

– Теперь слушай сюда нохча, – ротный наш прямо таки Цицерон, – Мне параллельно и перпендикулярно, где и чьё, мне вообще до пизды, а если схлестнуться хотите, то давайте! Нечего сиськи мять, блок тут будет, ферштейн?

Гордые представители опешили от такого хамства, тем более вместо пацанов они видели прожженных мужиков, которым реально хотелось крови. Сидя на камне чуть позади нас, Фрол ухмылялся и красноречиво проводил ребром ладони себе по горлу.

– Давай поговорим командир, – начал было пожилой чеченец.

– Вас двое, вот и разговаривайте, – обрывает их Турыгин, и продолжает, – переговоров не будет, ничего не будет, все проблемы в письменной форме в лигу сексуальных проблем. Лис, к бою.

Мы разворачиваемся и напоследок Турыгин добавляет:

– Вам минуточку съебаться, и не говорите что я не предупредил!

Не успели дойти до наших, как нива уже летела назад. Пехота молчит. А что говорить, итак все ясно.

– Значит окапываемся.

– Лис, мины по полной программе. Фрол пристреляй точки, а я с командиром поговорю.

– Пойдем Лис, – Елисей уже в предвкушении начудить с минами, – у офицеров свои премудрости в Избушке.

Начинаем устанавливать подарки. Единственный минус у моих любимых ОЗМ-72 это громоздкость, их многие называют лягушка, но это от незнания предмета, эта мина не нажимного действия, либо в управляемом варианте, либо на растяжку, чем я и занимаюсь. У моей любимицы радиус сплошного поражения 25 метров, за что я её очень люблю. У Елисея страсть – это ПМН, он без ума от них, поэтому ставит их по одной ему ведомой системе. Помимо этого ставим на растяжки всё, что попало под руку, от ф1 до ргд5 и так далее, даже корпуса от ПОМзов, забитые пластидом, шли в дело. За час управились, на холме же у дороги пехота получила подарок свыше: стали копать, и из-под земли запахло газом, кто-то умный чиркнул зажигалкой, и из земли вспыхнул полуметровый факел.

Мы искренне порадовались за парней, ибо проблема с дровами отпала сама собой. Ну всё, огневые точки выставлены, техника в капонирах, ждем гостей. Но вместо этого к нам лихо подкатывает БМП с разведкой.

– Охренеть, Киса, ты-то на кой тут? Я в полном недоумении!

– Стреляли, – известная фраза в воспроизведении Валентина звучала издевательством, – я за вами, там хрень какая-то на базе, всех собирает Косарев с Фарадой вашим.

– А тут как? – спрашиваю я его.

– Пехота подмогу тащит, через полчаса тут будет, а вон ваш ротный по горшку базарит, так что собирайся Лис и не бухти.

– Праздника не будет, – говорит Елисей, – зря пыхтели, хотя время покажет.

– Всё братва, до дома, Толян, формуляры на месте составить надо. Так, от балды, один хрен никто ничего не поймет кроме нас, – Турыгин разочарован, но вида не подает.

– Не ссыте, скоро веселуха будет, успокаивает Киса, – слухами земля полнится.

Заводим коробки и мчим на базу. По пути встречается колонна из доблестных мотострелков. Они как всегда восхитительно прекрасны в своем раздолбайстве: на подходе к базе стоит БМП вунра с Косаревым во главе. Тормозим, нам машет рукой, Турыгин подходит к нему, пара минут оживленной жестикуляции и мы срываемся с места в так называемую Шалинскую учебку. Влетаем на полном ходу, и начинается прочесть местности. Ещё при союзе это была крупнейшая учебная часть, у одного из боксов стоит разукомплектованный танк, Т-72, чуть дальше такой же «Град», и всё разграблено, и загажено. В одном из боксов нахожу ящики учебных мин, мс, у стены вышибные заряды от УР-77. В общем, если порыться, то можно ещё не то откопать. Ещё целы плакаты и стенды времен СССР, и надписи про единство народов не вызывают ничего, кроме презрения ко всему происходящему. Ко мне подходит Елисей.

– Ангидрида мы тут не найдем, а дров валом, так что баню надо ставить. И вообще коммунисты молодцы были.

– Это еще почему? – спрашиваю у Елисея.

– А потому, братуха, что правильно их в стройбаты и пехоту брали как мясо, иначе завели бы они всю эту байдю и был бы нам армагедон попс, мать их.

Как ни странно, но Серега прав, как пехота они ещё те вояки, но что касается техники, обезьяны. В общем слава КПСС. Идем дальше по заброшенным боксам, картина безвозвратно утерянных лет, тоска, всё плохо.

– Минировать будем? – спрашивает подошедший Турыгин.

– Нахуя? – отвечаю ему, – тут начнут шариться, наши придурки, потом хрен отмажешься, поэтому рванули-ка назад.

– Да, поехали. Делать тут нечего, – соглашается ротный.

Дождались разведку, та тоже судя по лицам не в восторге от увиденного. Косарев мрачен, и понятно от чего: недалеко Сержень-Юрт, а значит дорога на Ведено – это проблема, и мы будем её решать. Не в Москве, даже не в Моздоке, а именно мы тут, на месте, и не толстомордые генералы, а я, Фрол, Елисей, гопники-саперы и чумазый пехотинец Кузя. Мы и никто другой будем расхлебывать это говно. А самое блядское, это то, что нас будут проклинать, нас забудут, нас уже по факту нет, нет ни в каких бумагах, нас списали. Завтра мы возможно погибнем не за хер собачий, но это будет завтра, а сегодня мы возвращаемся к своим палаткам, к своим друзьям, в общем домой.

Глава 16

По приезде первым делом иду к технарям в палатку.

– Привет парни, есть чего? – с порога спрашиваю у парней. Не отрываясь от банок с тушеной Михалыч кивает на ящик из под гранат.

– Там возьми.

Беру из ящика блок Кэмэла.

– В БМО кто у нас?

– Юрик с краном и Валерон на ПЗМ, – чавкает Михалычу, – зайдешь вечером, бмошники обещали водяры подогнать.

Михалыч выжига ещё тот, на всю часть две ПЗМ один кран и один экскаватор, а окопаться надо всем, и очень быстро. Так что спрос определяет цену, а Михалычу по барабану, хоть генерал хоть маршал, цена одна, и не меняется.

– Завтра, кран в учебку гонят, плиты снимать для ЦБУ, походу надолго тут, – заявляет один из пзмщиков Серега.

– Соляры теперь у нас до жопы, а слить не где, князь не в теме, а техник в рембате виснет, – продолжает Серега.

– А я-то что могу, – отвечаю ему я, – хотя понимаю, варианты есть.

– Тут блок-посты выставлять будем, – влезает Михалыч, – надо соляру слить, и притом в Ханкалу гонять будем на сопровождение, к бабке не ходи.

– Будет сопровождение – значит сольем, – подвожу итог и топаю в палатку.

Сидя на нарах по-турецки, наши рубятся в карты. Бросаю блок на спальник и наконец-то ложусь отдохнуть.

– Лис, в Ханкалу едешь завтра? – спрашивает Фрол.

– А надо? – вопрос на вопрос отвечаю я, – хрен знает, давай рванем?

– До кучи разживемся на хлеб насущный, – Фрол, как всегда конкретен и лаконичен.

Утром начинается кино под названием построение колонны. После долгого мата и перестановок, едем: первый наш БТР – наличие саперов придает уверенность остальным. На броне дрыхнет наша гвардия: Фрол, Китаец, Елисей и усов вместе с Шеставиным. Чуть позади нас, выплевывая клубы черного дыма, пыхтит на БМП Вунр с Косаревым, видать также на рынок. Пару часов и мы, пронесаясь мимо ханкалинских дач в царстве тыловых убийцев, шлагбаумы, где солдатики в брониках насупясь сверяют бумаги и осматривают нас взглядом с головы до ног.

– Мать моя, женщина, – выдает Фрол, – как жить дальше? Враг-то точно не пройдет, бля буду!

– Заткнись Колян, – басит Усов, – с них-то хули взять? Пехота.

– До сбора колонны три часа, погнажи парни, – Шеставин уже в нетерпении ерзает на броне, – печенек купим, а то как-то плохо мне без сладкого.

Едем до развилки, а там уже импровизированный рынок в полном разгаре. Между банками с бензином местного производства, причем абсолютно прозрачного, шныряли местные упырята, от которых можно было ждать любой пакости.

– Аллах акбар! – возле БТР а стоит пацаненок лет десяти.

Глазенки горят джигит одним словом. С любопытством словно насекомое рассматриваем это чудо.

– Воистину акбар! – отвечает ему Китаец. У парнишки округляются глаза, но он упорно стоит и провоцирует нас.

– Такой же бляденьш пехоту на блоке подорвал, – говорит Фрол, – и как ты думаешь Лис, каков ход моих мыслей?

– Это идея, Коля! – ухмыляюсь я, – но не тут и не сейчас.

– Хари Кришна, нохча, – выдает Китаец, молчавший до поры. Пацанчик, посмотрев на нас, как на больных осторожно уходит в сторону. Соляру сливаем в канистры аборигенов и тут же деньги получаем на руки; по рынку носится Шеставин, и рядом с ним торгуются с местными два особиста из штаба группировки. Всем всё по фигу, и это нормально, ибо хотели войны как попало, так получите.

– Принимайте, парни, – это Шеставин протягивает первые пакеты, с бутылками и прочей херней, – ща, еще будет.

– Давай по-бырому пиво возьми, – напутствует Фрол.

– У Черныха возьми, там две упаковки, – Костя довольный, как котяра, щурится на солнце лежа на броне. Я просто молча наблюдал за происходящей суетой. Вскоре было продано все лишнее, даже сухпайки и масло.

– Всё, закончили, валить надо, вон, построение начинается, – Шеставин суетливо усаживается на броню, – да, и походу с соседями едем.

И точно, между нашими машинами с логотипом жоры победоносца, появились машины с двойным дабл ю.

– Весело будет, – бурчит Фрол, – пехота уже готова, мать ее.

– Зато быстро доедем, – говорю я Фролу.

– И не бзди, главное до базы доехать.

Движение начали как попало, но на выезде вроде приобрели очертания колонны. Некоторые машины бросало от обочины к обочине, и местные, видя такое, заранее прижимались к краям дороги, а особо умные вообще бросали машины. И правильно делали, ибо за дачами танк, следовавший в середине колонны, намотал на гусеницы копейку, слава богу что пустую. Ближе к Аргуну, начались гонки.

– Охуеть, можно, – кричит мне в ухо Фрол, – Париж-Дакар, блядь.

– Дуракам закон не писан, – ору ему в ответ. У нашего блок-поста на мосту тормозим. Мы едем прямо, двести сорок пьяный направо, а пока суд да дело, иду до Боряна, его «Хулиган» ржавеет в капонире, Боря же лениво цедит пиво и листает журнал.

– Дрочить не задолбался? – приветствую я его.

– А хули тут делать? – протягивает мне руку танкист, – от тоски ебнешся.

– Убивать-то не собираются? – Спрашиваю я его.

– Не, передумали, суки, – лениво тянет Борян, – два дебила в зеленке подорвались и все, воняет, блядь как на помойке, а так все новости.

– Ладно. И долго ещё на курорте тут? А то жопой чую, скоро начнется пиздорез.

– А я ебу, – сакраментальная фраза Бори, четко описывает всю нашу жизнь тут, сразу и бесповоротно.

– Ладно Борян, я Князя подгоню сюда, выход-то на местных есть?

– А то, – ржет он, – что, кушать хочется?

– Нешто мы не люди, друг, – вторю я ему и, прощаясь, напоминаю, – не спейся тут, рейнджер.

– Иди ты, – напутствует он меня.

Пока я был в гостях колонны уже рассортировались и мы наконец-то могли продолжить путь до части. На импровизированном КПП нас уже ждали особисты с комендачами для досмотра.

– Во блядь! Че делать-то? – Шеставин явно нервничает.

– Есть пакет понарядней? – говорю ротному,

– Есть, у Мишани возьми, – отвечает он.

– Миша, пакет! – кричу я в люк и спрыгиваю с брони.

– Уже готово, Толян, – отвечает Миша и, открывая боковину, подмигивает мне, – делай красиво, Лис.

Привожу себя в относительно божеский вид, подхожу к группе офицеров, особисты уже трясут поддатого пехотного старлея. Старлей оправдывается, но как-то неубедительно, хотя мне не до него; чутьем вычисляю главного, делаю озабоченную морду лица.

– Товарищ Капитан, разрешите обратиться!

– Ты кто? – Особист с любопытством смотрит на меня.

– Сержант Л...о! Инженерно саперная рота, – докладываю я.

– Ну и чего?

– Тащ капитан, досмотреть бы нас без очереди, а? – делаю просящее лицо и продолжаю, – нас Нис с говном сожрет, если опоздаем, а? Пожалуйста!

– Ну пойдем сержант, – усмехается Капитан.

– Во-во, пойдёмте. Вы же знаете, что саперы – это образец дисциплины, и порядка! Прошу вас сюда, осторожнее, а то тут грязь, а оно вам надо? – лебезя, как заправский лакей, подвожу его к открытому люку, на боковой откидной ступени или трапа, как угодно, стоит пакет с губастой обнаженной бабой.

– Вот, это вам тащ Капитан! Мы же службу знаем, чай не дети, – я, улыбаясь, протягиваю ему пакет.

– Вот сукины дети, – Капитан явно доволен, – себе-то оставили?

– Малость самую на прожитье, – отвечаю ему, – дружба-то дороже, правильно тащ Капитан?

– Посмотрим, – Капитан вместе с пакетом отходит к своим, о чем-то говорит и через минуту машет рукой.

– Проезжай!

И мы на полном ходу пока не передумали мчим на базу. В расположении роты стоит мат, причем многоэтажный. Причина проста: наш Беня наградил орденом мужества очередного теннисиста.

– Прикинь, мужики! Хуеплет с ракеткой, герой!

– А пацан под пули идет, так он не достоин! – кипятиться Агапыч, наш новый сапер, – я на хую вертел такое блядство.

– Ладно пошли по стакану вмажем, – успокаиваю его, – орден – это как утешительный приз, Агапыч, вот грохнут тебя, и тебе посмертно всучат.

– Да на хуй он мне нужен! – плюется Агапыч. Спускаемся в палатку. Китаец, Фрол и Елисей уже распаковывают пакеты и вскрывают тушенку.

– Начали, помолясь, – говорю я и открываю первую бутылку. Через пару часов по расположению грохочет Красная Плесень и хохот, ибо Китаец с Эдиком и мной затеяли диско турнир; в общем рота в разnose. Нис с Турыгиным и Усовым со спокойствием наблюдают, но не вмешивается, никто ибо уверенны, что всё будет нормально. На столе, сколоченном из ящичков, вместо скатерти новоявленный Деникинский триколор. Князь сегодня за диджея, Фрол на разливе, из срочников пьют только Вовка и Черных, остальные же пьют чай с Ваген Вилсом, в общем сабантуй в норме.

– Здорово бродяги! – в проеме палатки появляется разведка в лице Зябы, Кисы и Приста.

– Опа! – орет китаец, – нашего полку прибыло!

Разведчики пожимают нам руки и принимают кружки с водкой, я жду когда они закусят и задаю вопрос:

– Чего надо-то у нас?

– НР до Фарады приехал, ну и мы с ним, – выдает Елка, ну и на вас посмотреть...

– Прокатимся завтра? – спрашивает Киса.

– Нас снаряды рвать погонят стопудово, да еще плиты для ЦБУ снимать, – встречается Китаец.

– Заебали в корень.

– А что, больше некому? – удивляется Киса.

– Выбери, – киваю я ему на народ в палатке, – срочников в расчет не бери, а остальные смотри сам.

– Да уж, негустой выбор, – после паузы выдавливают Киса. Пока сидели, приперся князь с пакетом – явно опять тряс своих земляков; в пакете, как всегда, кроме водки располагаются сгущенка и тушенка. В палатке с количеством выпитого нарастал и шум, кассеты менялись, ломались ящики на дрова, в общем возникал тот неповторимый уют, кочевой жизни.

– Привет, парни! – Косарев ввалился в палатку с Фарадой на пару, и судя по всему, встреча была тоже не на сухую, – мои-то боеспособны? – не то спрашивает, не то утверждает НР.

– А то, че им будет, – бурчит Китаец.

– Всё, мы поехали, я забираю своих, – разведчики встают, и направляются к выходу. НР смотрит, чтобы обошлось без привычных «на посошок» но Киса умудряется проглотить полкружки водки, НИС из-за спины Косарева показывает нам кулак.

– Доктор, Китаец, зайдите сейчас ко мне, – выдает Нис, только разведка покинула палатку.

– Во бля! – отпрыгивает Китаец, пытаясь напешить ногами кроссовки. Наконец-то вываливаемся на воздух и бредем позади Стрижкова до его кунга, на воздухе немного трезвеем, и начинаем соображать. Возле кунга Нис осматривает нас.

– Вояки мать вашу, утром чтоб ни-ни, ясно?

Мы дружно киваем.

– Берем своих и завтра за Сержень-Юрт с разведкой, я пока снаряды повзрываю, вы бегом туда-сюда, ясно? Ясно, блядь?!

– Да ясно, – отвечает Китаец, – а что брать?

– Бабу резиновую! Не тупите! Или от водяры отупели?

– Никак нет, тащ подполковник, – выдаю я, – разрешите идти?

– Пиздуйте! – машет рукой Нис, – завтра в шесть ноль ноль выезд.

– Хуясе! – выдаю я, – спать-то часа четыре, слыш Китаец?

– На броне поспим, до пизды дрозды, – отвечает было Женька.

– Вы еще здесь? – Нис орет уже из кунга.

– Всё, уходим. Пошли, Лис, – Китаец берёт меня за руку и мы бредем до палатки. Заваливаемся на нары и просто проваливаемся в черную пустоту именуемую сном

Глава 17

Лежа на броне я просто молча наблюдал за происходящей суетой. Вскоре было продано все лишнее, даже сухпайки, и масло.

– Все закончили, валить надо, вон построение начинается, -Шеставин суетливо усаживается на броню, -да и по ходу с соседями едем.

И точно, между нашими машинами с логотипом Жоры Победоносца появились машины с двойным «дабл ю».

– Весело будет, – бурчит Фрол, – пехота уже готовальня, мать ее

– Зато быстро доедем, – говорю я Фролу.

– И не бзди, главное до базы доехать.

Движение начали как попало, но на выезде вроде приобрели очертания колонны. Некоторые машины телепало от обочины к обочине, местные видя такое заранее прижимались к краям дороги, а особо умные вообще бросали машины. И правильно делали, ибо за дачами танк, следовавший в середине колонны, намотал на гусеницы копейку, слава богу что пустую. Ближе к Аргуну начались гонки.

– Охуеть, можно, – кричит мне в ухо Фрол, Париж Дакар, блядь

– Дуракам закон не писан, -ору ему в ответ.

У нашего блок поста на мосту тормозим, мы едем прямо, двести сорок пьяный, направо, пока суд да дело иду до Боряна, его,,, хулиган,,, ржавеет в капонире, Боря же лениво цедит пиво и листает журнал.

– Дрочить не задолбался, – приветствую я его.

– А хули тут делать, – протягивает мне руку танкист, – от тоски ебнешся.

– Убивать то не собираются? – Спрашиваю я его

– Не, передумали суки, – лениво тянет Борян, – два дебила в зеленке подарвались и все, воняет, блядь как на помойке, а так все новости.

– Ладно, и долго еще на курорте тут, а то жопой чую, скоро начнется пиздорез.

– А я ебу, – сакраментальная фраза Бори четко описывает всю нашу жизнь тут сразу и бесповоротно.

– Ладно Борян, я Князя подгоню сюда, выхода то на местных есть?

– А то, ржет он, что кушать хочется?

– Неужто мы не люди друг? – вторю я ему и прощаюсь, напоминаю

– Не спейся тут, рейнджер.

– Иди ты, – напутствует он меня.

Пока я был в гостях колонны уже рассортировались и мы наконец-то могли продолжить путь до части.

На импровизированном кпп нас уже ждали особисты с комендачами для досмотра.

– Во блядь, че делать то, – Шеставин явно нервничает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.